

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ

ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

Специальность «Филология»

Специализация «Романо-германская филология»

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛЕКСИКИ, ОБОЗНАЧАЮЩЕЙ
ДВУНАДЕСЯТЫЕ ПРАЗДНИКИ**

Выполнила Манжирова Марина

Александровна

Группа 553А

Научный руководитель: кандидат

филологических наук,

Добрушина Екатерина Роландовна

Рецензент: кандидат филологических наук

Сичинава Дмитрий Владимирович

Оценка _____

«17» июня 2010 г.

Москва, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I.....	7
СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ	7
1.1. УСТАНОВКА НА РЕКОНСТРУКЦИЮ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	9
1.2. ПРИНЦИП ИНТЕГРАЛЬНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ	10
1.3. ПОНЯТИЕ СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕГО СМЫСЛА.....	14
1.4. СЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕТАЯЗЫК	17
1.5. ЛЕКСЕМА И ЕЁ ИНТЕГРАЛЬНОЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	19
1.5.1.1. Аналитическое толкование лексемы	20
1.5.1.2. Нетривиальные семантические признаки лексем	21
1.5.1.3. Коннотации	22
1.5.1.4. Прагматическая информация	23
1.5.2. Другие свойства лексемы	24
1.6. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ТИП	27
1.7. ЛЕКСИКА КАК СИСТЕМА	31
ГЛАВА II	34
ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ	34
1. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В РЯДУ ДРУГИХ КАРТИН МИРА	35
2. РОЛЬ ЛЕКСИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	40
3. МЕСТО ХРИСТИАНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕЁ ИССЛЕДОВАНИЮ	41
ГЛАВА III.....	44
ПРАЗДНИКИ РПЦ И ИХ КАТОЛИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ.....	44
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛЕКСИКИ, ОБОЗНАЧАЮЩЕЙ ДВУНАДЕСЯТЫЕ ПРАЗДНИКИ.....	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	73
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	74

ВВЕДЕНИЕ

Лексика английского и русского языков всегда была объектом пристального внимания со стороны лингвистов. Начиная с XIX века, появлялись новые и новые работы, призванные осветить те или иные лингвистические проблемы этих двух языков. Наша работа носит название «Сопоставительный лексико-семантический анализ английской и русской лексики, обозначающей двенадцатые праздники».

Выбор темы не случаен. Оглядываясь на историю двух стран, России и Англии, мы видим, что их становление во многом ориентировалось на развитие основной религии Европы – христианства. Религия в значительной мере повлияла на становление двух языков: Кирилл и Мефодий, создавая кириллицу, хотели донести до славян Священное Писание; европейские переводчики Библии, начиная со Святого Иеронима и Джона Виклифа, очищали и развивали язык. Совместное движение языка и истории, языка и религии представляет для нас особый интерес. В Средние Века, когда две ветви христианства, православие и католичество, пошли каждая своим путем, начало меняться и их влияние на соответствующие языки. Православие сделало ставку на греческую культуру, а католичество в Англии пошло за латинским наследием. Таким образом, две ветви христианства получили различное отражение в своих языках, что и является для нас предметом исследования. Очевидно, что исследовать все различия в русском и английском религиозных подязыках невозможно. Мы решили ограничить себя анализом религиозных праздников, а именно самых торжественных, называемых в православии «двенадцатыми».

Выбирая подобную тему, мы отдавали себе отчет в том, что сфера применения полученных результатов будет достаточно узкой. Но выбирать лингвистическую задачу, исходя из масштабности дальнейших исследований,

значит оставить без внимания многие, может, и не так бросающиеся в глаза, но интересные вопросы. В ходе данной работы мы столкнулись с расхождениями в области употребления названий некоторых праздников, что, естественно, ведет к неполному взаимопониманию коммуникантов. Проблема церковного языка во многом касается людей, уже имеющих определенное количество знаний в области лингвистики и истории религий, но и для них, возможно, сделанные нами уточнения могут быть полезны.

Цель данной работы – сопоставительный лексико-семантический анализ слов со значением «религиозные праздники» в русском и английском языках. Особое внимание в настоящей работе уделено такому исследованию значений лексем, называющих религиозные праздники, которое помогло бы сравнить их употребления в английском и русском языках.

Примером различий в понимании религиозной терминологии в представленных языках, приводящим к коммуникативным проблемам, может служить дискуссия английских посетителей Кремля с русскими гидами по поводу названия Успенского собора Московского Кремля. Рассказывая по-английски об этом церковном памятнике архитектуры, русские экскурсоводы часто употребляют слово «Dormition», что нередко вызывает недоумение и вопросы англичан, привыкших к слову «Assumption». Две разные традиции, католическая и византийская, за долгие века переосмыслили, пусть и частично, многие христианские понятия, и сопоставительное описание этого процесса может стать весьма полезным как для дальнейших теоретических исследований, так и для практической двуязычной лексикографии, что и определяет **актуальность выбранного предмета исследования.**

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что, сравнивая слова со значением «религиозные праздники» в английском и русском языках, мы постараемся выявить максимальное количество сходств и различий в значении и современном понимании этих слов. **Материалом нашего исследования**

станут данные лексикографических источников на русском и английском языках и собранная нами на основе корпусного исследования, в том числе с опорой на Национальный корпус русского языка, база примеров из религиозных текстов. Среди **методов исследования** хотелось бы назвать следующие: метод словарных дефиниций и сравнительно-сопоставительный анализ.

Основываясь на литургическом календаре православной и католической Церквей, мы выделили важнейшие праздники. Их названия послужили для нас отправной точкой, с которой началось наше исследование. Названия праздников были проанализированы с точки зрения их этимологии и толкования в обоих языках, а результаты сопоставлены.

Мы надеемся, что полученные результаты, будучи использованы при создании словарей религиозной лексики, помогут составителем текстов на религиозные темы и переводчикам не ошибиться в выборе того, или иного слова для обозначения христианского праздника, и это станет практическим применением работы.

В соответствии с поставленными целями и задачами была разработана и **структура исследования**. Оно состоит из пяти частей: введения, теоретической части, практической части, заключения и библиографии. Во введении дается обоснование выбора темы, определяются предмет и методы исследования, цели и задачи работы. Первая глава целиком посвящена разработке теоретических основ исследования. В нашем случае речь идет об основных принципах и понятиях системной лексикографии, принципах описания русской и английской религиозной лексики, русском и английском церковном языке. Вторая глава содержит практический анализ, которым в настоящей работе стало, во-первых, лингвистическое описание лексем, а также работа по выявлению сходств и различий в понятиях, представленных исследуемыми словами. В заключении мы подводим итоги работы и обобщаем

полученные результаты. Список литературы содержит работы отечественных и зарубежных авторов, а также источники, из которых был подобран материал.

ГЛАВА I

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В этой главе мы рассмотрим понятие «лексикография» и выделим отличительные особенности современной лексикографии, что позволит нам понять как должна быть устроена словарная статья.

Излагаемая концепция основывается на результатах исследований, выполненных в нашей стране и за рубежом в работах таких языковедов, как Л.В. Щерба, Ш. Балли, Э. Сэпир, К. Эрдман, Дж. Фирт, В.В. Виноградов, Н.Д. Арутюнова, А. Зализняк, А. Вежбицкая, Ю.Д. Апресян. В отношении лексикографического подхода мы опираемся на Московскую семантическую школу.

Лексикография - собирание слов какого-либо языка, приведение их в систему и издание в виде лексикона, словаря.¹ Лексикография занимается изучением семантической структуры слова, особенностей слов, их толкованием.

К числу основных принципов и понятий системной лексикографии относятся:

- а) установка на реконструкцию языковой картины мира (ответ на вопрос, как устроен язык);
- б) принцип интегральности лингвистических описаний (ответ на вопрос как должно быть устроено лингвистическое описание);
- в) понятие системообразующего смысла;
- г) понятие о семантическом метаязыке как упрощённом и стандартизированном подязыке описываемого языка, на котором выполняются толкования значений всех языковых единиц;
- д) понятие лексемы и её интегрального лексикографического представления;

¹ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русский язык, 1939. Т. 3 С. 335

- е) понятие лексикографического типа;
- ж) представление о лексике как системе.

1.1. УСТАНОВКА НА РЕКОНСТРУКЦИЮ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Идея языковой картины мира может быть представлена следующими основными тезисами:

а) Материалом для реконструкции языковой картины мира служат только факты языка; под ними мы понимаем лексемы, грамматические формы, словообразовательные средства, просодии, синтаксические конструкции, правила лексико-семантической сочетаемости и т.п.

б) Картина мира, отражаемая в языке, во многих отношениях отличается от научной картины мира.

в) Языковая картина мира лингво- или этноспецифична, то есть отражает особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков. Реально «особый способ мировидения» проявляет себя в национально специфическом наборе ключевых идей - своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы – морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими. Определённая ключевая идея имеет тем больше оснований на лингво- или этноспецифичный статус, чем больше арсенал средств её выражения в данном языке по сравнению с другими языками, чем разнообразнее их природа (особенно показательны в этом отношении грамматические значения) и чем больше число языков, в которых она не может быть выражена столь же простыми средствами. Часто язык заставляет говорящего выражать эти идеи, даже если они несущественны для его высказывания.

1.2. ПРИНЦИП ИНТЕГРАЛЬНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ

Можно считать, что первая в нашей литературе формулировка принципа интегральности принадлежит Л. В. Щербе. В знаменитой статье 1931 г. «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» он писал: «Правильно составленные словарь и грамматика должны исчерпывать знание данного языка. Мы, конечно, далеки от этого идеала; но я полагаю, что достоинство словаря и грамматики должно измеряться возможностью при их посредстве составлять любые правильные фразы во всех случаях жизни и вполне понимать говоримое на данном языке»². Однако это замечание не получило терминологического оформления и не было подкреплено никаким примером интегрального описания хотя бы небольшого фрагмента языка. По обоим причинам оно не оказало серьезного влияния ни на развитие лингвистической мысли, ни на практику лингвистических описаний, и может быть оценено по достоинству только задним числом.

Первый реальный опыт интегрального описания языка в нашей науке появился только девять лет спустя. Мы имеем в виду «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Правда, в нем «интеграцией» (по-прежнему не закрепленной в термине) были затронуты только морфология и лексика. Для каждого изменяемого слова в этом словаре приводятся ключевые формы, предположительно достаточные для автоматического восстановления его полной парадигмы с помощью специальных указаний о типах склонения или спряжения и «таблиц окончаний», помещенных непосредственно в словаре.

В 70-е годы в работах И. А. Мельчука и его учеников по модели «Смысл - Текст» эта идея, все еще без терминологического закрепления, была

² Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. М.: Языки славянских культур, 1965. С. 25-26.

распространена на синтаксис³. В толково-комбинаторный словарь, взаимодействующий с формальной моделью синтаксиса, было предложено включать информацию об управляющих свойствах слов (гораздо более развитую, чем в обычных толковых словарях) и об их синтаксических признаках, то есть свойствах типа одушевленности-неодушевленности для существительных, предикативности для прилагательных и наречий, способности менять именительный падеж на родительный в контексте отрицания для глаголов, первообразности для предлогов. Предполагалось, что правила формальной модели синтаксиса, осуществляющей автоматический синтаксический анализ и синтез текстов, непосредственно взаимодействуют с этой словарной информацией.

Однако современное понимание принципа интегральности могло сложиться и действительно сложилось только после того, как идеология модели «Смысл - Текст» в достаточно полном объеме была реализована на компьютере. Как уже было сказано в Предисловии, та компьютерная реализация модели, которая получила название ЭТАП, опирается на автоматические комбинаторные словари английского и русского языков, насчитывающие до 90 000 входов каждый, полные формальные модели морфологии, а также формальные модели синтаксиса, покрывающие гораздо более широкий круг конструкций, чем правила академических грамматик. Только после того, как эти грамматики и словари стали реально функционировать на компьютере и были многократно откорректированы по результатам экспериментов на больших массивах текстов, оказалось возможным понять, какой громадный объем грамматических и лексикографических следствий вытекает из принципа интегральности. Получить эту информацию умозрительным путем было бы невозможно.

³ Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». М.: Наука, 1974.

Ниже принцип интегральности лингвистических описаний, распространенный в наших работах на все типы лингвистической информации, включая семантическую, прагматическую, коммуникативную и просодическую, излагается в том виде, в каком он был сформулирован в работах Ю.Д. Апресяна.

Два главных компонента лингвистического описания — словарь и грамматика (последняя понимается расширительно — как совокупность всех правил языка, включая семантические). Они должны быть максимально согласованы между собой по типам помещаемой в них информации и по формальным способам (языкам) ее записи. Этой информации должно быть достаточно для правильного употребления любой единицы языка в тексте или в речи и, тем самым, для ее правильного понимания. Отсюда вытекают очень существенные требования к тому, как лингвистическая информация будет распределена между грамматикой и словарем, а значит и к тому, как должны работать грамматист и лексикограф.

Грамматист при формулировке очередного правила должен работать на всем множестве лексем и учесть те лексемы, которые ему подчиняются, если данная форма их поведения не зафиксирована непосредственно в их словарных статьях (настройка грамматики на словарь). Во многих случаях это приводит к необходимости включать в правила информацию о конкретных лексемах.

Лексикограф, описывая очередную лексему, должен работать на всем множестве лингвистических правил и приписать каждой лексеме все свойства, обращения к которым могут потребовать правила (настройка словаря на грамматику). Часто это требует включения правил непосредственно в словарь. Так обстоит дело в тех случаях, когда какое-то правило касается только данной лексемы или небольшой группы лексем: тогда наиболее естественным местом для него оказываются именно их словарные статьи.

Мы упомянули два лексикографических следствия из принципа интегральности. Во-первых, лексемам в словаре должны быть приписаны все свойства, обращения к которым могут потребовать лингвистические правила. Таковы семантические, прагматические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, сочетаемостные, коммуникативно-просодические свойства лексем, а также их парадигматические семантические связи с другими лексемами языка, если они не предсказываются стопроцентно на основе какой-то другой информации, помещаемой непосредственно в их словарных статьях. Во-вторых, в словарные статьи лексем должны помещаться сами правила с лексически ограниченной областью действия. Эти принципы могут и, как кажется, должны быть экстраполированы на описание других языковых единиц и классов единиц, имеющих знаковую природу, потому что в языке микромир и макромир устроены в значительной мере изоморфно. Тогда важнейшим общим следствием из принципа интегральности лингвистических описаний оказывается требование, чтобы каждый языковой объект, включая классы лексем, грамматические формы, граммемы, словообразовательные аффиксы, синтаксические конструкции, синтаксические функции — был охарактеризован во всей совокупности своих лингвистически значимых свойств и связей.

1.3. ПОНЯТИЕ СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕГО СМЫСЛА

Системообразующим называется смысл, который входит в большое число языковых единиц разной природы (многообразии обличий) и при определенных условиях одинаково проявляет себя относительно правил взаимодействия значений (единообразии проявлений). К числу системообразующих смыслов относятся:

а) Семантические примитивы, то есть смыслы 'делать', 'воспринимать', 'хотеть', 'мочь', 'чувствовать', 'знать', 'считать', 'говорить', 'существовать', 'быть', 'находиться', 'предшествовать', 'я', 'отношение', 'объект', 'время', 'пространство', 'причина', 'условие', 'свойство', 'часть', 'число', 'количество', 'норма', 'ситуация', 'один', 'хороший', 'больше', 'не' и ряд других.

б) Некоторые смыслы, более сложные, чем семантические примитивы, например, 'готов', 'должен', 'намерен', 'перемещаться', 'начаться', 'прекращаться', 'продолжаться', 'цель', 'момент' и ряд других. С помощью аналитических толкований они, в конечном счете, сводятся к определенной структуре семантических примитивов.

в) Некоторые смыслы, более простые, чем семантические примитивы. Они не вербализуются в данном языке никакими свободными лексемами «первого плана» и представляют собою либо пересечение значений семантического примитива и его ближайшего неточного синонима (например пары *знать* и *ведать*, *считать* и *думать*, *хотеть* и *желать*, *чувствовать* и *ощущать*), либо пересечение значений самих семантических примитивов (стативные глаголы *знать*, *считать*, *хотеть*, *чувствовать*). В самом деле, *хотеть* и *желать*, например, это синонимы, каждый из которых обладает определенной семантической спецификой. С другой стороны, невозможно отрицать, что в их значениях есть большая общая часть, которая, однако, не может быть названа ни одним реально существующим словом русского языка. Очевидно, что и в значениях других перечисленных выше стативных глаголов

тоже есть нечто общее — все они являются названиями разного рода внутренних состояний. Однако и этот смысл естественным образом в русском языке не вербализуется. В силу напрашивающейся аналогии с физикой такие невербализуемые значения, т. е. не существующие в свободном состоянии частицы смысла, были названы семантическими кварками⁴.

Особый интерес представляют семантические кварки второго типа — они входят в состав значений существенно большего числа языковых единиц, чем кварки первого типа. Поэтому они нуждаются в именовании. Их именами являются лингвистические термины. Таковы, например, термины 'стативность' и 'акциональность'.

По определению, системообразующие смыслы обладают двумя важными свойствами. Во-первых, они входят в состав значений многих языковых единиц разной природы — лексических, морфологических, словообразовательных, синтаксических и других. Так, смысл 'причина' выражается существительными *причина* и *подоплека*, глаголами *вызывать* и *приводить* (к чему-л.), наречиями *поэтому* и *оттого*, союзами *потому что* и *поскольку*, предлогами *из-за* и *за* (неимением, недостатком), словообразовательным элементом *-творный* в составе прилагательных *кроветворный*, *снотворный*, *болезнетворный*, препозитивным деепричастным оборотом с деепричастием стативного глагола (*Зная, что переубедить его невозможно, я прекратил спор*) и рядом других.

Во-вторых, при некоторых условиях (главное из них — нахождение в вершине ассертивной части толкования) системообразующие смыслы активны в правилах взаимодействия значений в тексте, причем во многих правилах они проявляют себя единообразно, независимо от того, в состав какого значения входят. В частности, глаголы с чисто причинным значением не могут подчинять обстоятельства цели. Приведём примеры: *Повышение цен вызвало кризис,*

⁴ Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 478 – 482.

чтобы окончательно разрушить экономику страны. Напротив, наличие смысла 'делать' в вершине толкования обуславливает способность соответствующей лексемы управлять дополнением или обстоятельством со значением цели *Он сделал это, чтобы помочь тебе.* Кроме того, такие глаголы способны употребляться в повелительном наклонении: *Сделай милость, помолчи.* Заметим, что глаголы состояния ни тем, ни другим свойством не обладают.

1.4. СЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕТАЯЗЫК

Мы исходим из того, что значения всех содержательных единиц данного языка — лексических, морфологических, синтаксических и словообразовательных — могут и должны быть описаны на одном и том же семантическом метаязыке (в дальнейшем, в соответствии с целями данной работы, мы рассматриваем только лексемы). Реально в качестве семантического метаязыка в большинстве современных работ используется не универсальный искусственный язык, а некий упрощенный и стандартизованный подъязык описываемого естественного языка.

Упрощение состоит в том, что в метаязык отбираются относительно простые слова, грамматические формы слов и синтаксические конструкции в их основных значениях.

Ядро словаря метаязыка образуют системообразующие смыслы первых двух классов, как они были определены в разделе 1.3. Это семантические примитивы и более сложные слова-смыслы типа *начать, перестать, момент, цель* и тому подобные. Кроме этого ядра словарь метаязыка включает довольно большое число так называемых промежуточных слов-смыслов. Как правило, они входят в состав значений многих лексических, но не грамматических единиц данного языка. Таков, например, смысл 'требовать', повторяющийся в толкованиях лексем *бастовать, вызывать (в суд), вымогать, забастовка, настаивать, повестка, призвать (кого-л. к порядку), спрашивать с кого-л., спрашивать (что-л. у кого-л.), ультиматум, шантаж, шантажировать* и тому подобных.

Стандартизация состоит в том, что каждое такое слово должно в идеале удовлетворять требованию взаимно-однозначного соответствия имени и смысла. Иными словами, в метаязыке у него не должно быть синонимов и омонимов. Отступления от этого правила допускаются в тех случаях, когда грамматический или сочетаемостный контекст толкования исключает

возможность использования стандартного имени данного смысла. Например, если толкование формулируется в настоящем времени и если в нем по смыслу надо было бы употребить глагол-связку *быть*, которая в форме настоящего времени обычно выражается нулем, *быть* заменяется одним из своих синонимов. Приведём примеры: *X боится Y-а* = 'X находится в таком эмоциональном состоянии, какое бывает, когда ...'. В этом толковании нарушены сразу оба условия: вместо полагающегося по смыслу *есть* использован его синоним *находится*, у которого в метаязыке есть «омоним» — тот же глагол, но в локативном значении.

Предполагается, что все такие отступления перечислимы и что в случае необходимости (например, если требуется формализовать семантические представления для конкретной компьютерной системы) они могут быть полностью элиминированы, правда, за счет некоторых потерь в приемлемости языка толкований для носителей языка.

1.5. ЛЕКСЕМА И ЕЁ ИНТЕГРАЛЬНОЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Как было сказано выше, лексемой называется слово, рассматриваемое в одном из имеющихся у него значений. Тем самым лексема, в отличие от лексического значения, оказывается многосторонней единицей языка, со своим означаемым, означающим, синтактикой и прагматикой. Полная характеристика всех указанных аспектов лексемы в словаре называется ее интегральным лексикографическим представлением (портретом).

Технически, за вычетом означающего, интегральное лексикографическое представление лексемы складывается из трех частей: а) полного семантико-прагматического представления лексемы; б) характеристики ее коммуникативно-просодических, сочетаемостных, синтаксических, морфологических и стилистических свойств; в) информация о связях лексемы с другими лексемами в словаре.

Главным компонентом интегрального лексикографического представления является полное семантико-прагматическое представление лексемы. Оно складывается из ее аналитического толкования на специальном метаязыке, словарных правил взаимодействия значений и еще трех типов сведений: а) нетривиальных семантических признаков лексем; б) коннотаций; в) прагматической информации.

Для каждого из упомянутых здесь типов лексикографической информации в словарных статьях лексем интегрального словаря предусматривается отдельная зона. Ниже эти типы информации будут охарактеризованы подробнее.

1.5.1.1. Аналитическое толкование лексемы

Аналитические толкования лексем являются главным инструментом описания их значений, как и значений любых других содержательных единиц языка. От обычных лексикографических толкований они отличаются следующим набором свойств:

а) Они выполняются на описанном выше метаязыке.

б) Они представляют собой многослойные структуры, в которых в общем случае выделяется до пяти слоев смысла (ассерции, пресуппозиции, модальные рамки, рамки наблюдения, мотивировки).

в) Они должны в явном виде (то есть в виде буквально совпадающих смысловых компонентов) отражать все семантические связи данной лексемы с другими единицами языка, в том числе и с другими лексемами данного слова в случае его многозначности.

г) Они должны в явном виде содержать те смысловые компоненты, на основе которых данная лексема участвует в правилах семантического взаимодействия с другими единицами языка в тексте.

Приведем в качестве примера аналитические толкования некоторых речевых актов:

Х просит Y-а сделать P [Он попросил меня купить ему билет на последний рейс] = '(а) человек X хочет, чтобы было P, и считает, что человек Y может сделать P, и не считает, что Y должен делать P [пресуппозиции]; (б) X говорит Y-у, что он хочет, чтобы Y сделал P [ассерция]; (в) он говорит это так, что Y понимает, что X не считает его обязанным делать P'; (г) X говорит это, потому что хочет, чтобы было P [мотивировка]'.

Х требует от Y-а, чтобы Y сделал P [Не требуйте от меня невозможного] = '(а) человек X хочет, чтобы человек Y сделал P, и считает, что Y должен сделать P [пресуппозиции]; (б) X говорит Y-у, что он хочет, чтобы Y сделал P [ассерция]; (в) он говорит это так, что Y понимает, что X считает

его обязанным делать Р; (г) Х говорит это, потому что считает, что Y должен сделать Р [мотивировка]'.

1.5.1.2. Нетривиальные семантические признаки лексем

Нетривиальные семантические признаки по большей части соответствуют второму из двух упомянутых выше классов кварков. Напомним в связи с этим признак нефасадности — фасадности существительных. Нефасадные существительные лишены неизменной «анатомии», т. е. независимой ориентации в пространстве, в частности, постоянного переда и зада, верха и низа, левой и правой сторон. Так, у табуреток нет постоянного переда и зада, у кубиков — верха и низа, а у тропинок — левой и правой стороны. В отличие от этого, фасадные существительные обладают собственной неизменной анатомией, не зависящей от ситуации восприятия, перемещения наблюдателя. Так, зад кресла — это его спинка, верх шкатулки — ее крышка, левый берег реки — тот, который находится по левую сторону от наблюдателя, если его взгляд направлен вниз по течению реки.

Очевидно, что нефасадность и фасадность суть нетривиальные семантические признаки. Ни в толкованиях нефасадных существительных (табуретка, кубик, тропинка), ни в толкованиях фасадных существительных (кресло, шкатулка, река) нельзя обнаружить никаких общих смысловых компонентов. Между тем все нефасадные и все фасадные существительные ведут себя весьма последовательно в контексте некоторых пространственных предлогов.

Словосочетания пространственных предлогов *перед* и *за* с нефасадными существительными порождают представление о наблюдателе, занимающем определенную позицию относительно двух ориентируемых в пространстве предметов. Приведём примеры: *Перед стеклом стояла пепельница* (пепельница

находилась между стеклом и наблюдателем, скорее ближе к стеклу, чем к наблюдателю) — *За стеклом стояла пепельница* (стекло находилось между наблюдателем и пепельницей, скорее ближе к пепельнице, чем к наблюдателю). Те же предлоги в контексте фасадных существительных никакого представления о наблюдателе в обычных условиях не порождают.

1.5.1.3. Коннотации

В соответствии с концепцией, разделяемой большинством писавших на эту тему авторов (Pisarkova, Иорданская, Мельчук, Bartminski, Толстой, Апресян), коннотации лексем не входят непосредственно в их толкование. Тем не менее они должны фиксироваться в их словарных статьях, потому что через отсылку к коннотациям объясняются важнейшие семантические связи данной лексемы с другими лексемами в словаре и их семантические взаимодействия с другими единицами языка в тексте. Коннотации слова в главном значении служат основой для формирования его переносных значений (*Напился, свинья* — по коннотации невоспитанности), привычных метафор и сравнений (*разбираться как свинья в апельсинах* — по коннотации всеядности), производных слов (*свиношник* — по коннотации грязного), фразем (*подложить свинью кому-то* — по коннотации подлости и низости), синтаксических конструкций (биноминативные псевдотавтологические конструкции типа *Свинья она и есть свинья*, где эксплуатируются сразу все коннотации свиньи). Таковы семантические связи между лексическими единицами в словаре, формирующиеся на основе коннотаций.

Гораздо менее исследованы, хотя несколько не менее интересны факты, свидетельствующие о способности коннотаций к нетривиальным семантическим взаимодействиям в тексте. Чаще всего с коннотациями взаимодействует отрицание. Так, в противопоставительных предложениях типа *Не мать, а ведьма какая-то* отрицается не смысл 'женщина, родившая X-а', а

коннотации *матери* — мягкость, альтруизм, положительная пристрастность к X-у.

Другой тип конструкций, в которых коннотации оказываются объектом воздействия со стороны семантически активного смысла, — это сравнительные конструкции вида Р как X, где позицию Р занимает предикат, обозначающий коннотацию X-а. Как известно, у слова *осел* есть коннотация упрямства, а у слова *собака* — коннотация преданности. Такое распределение коннотаций объясняет правильность предложений *Упрям, как осел* и *Предан, как собака* и крайнюю сомнительность *Упрям, как собака* и *Предан, как осел*.

1.5.1.4. Прагматическая информация

Наиболее интересны с этой точки зрения доминанты синонимических рядов, потому что у них обнаруживаются системные прагматические особенности. Как известно, доминантой ряда называется наиболее употребительный и стилистически нейтральный синоним, который имеет наиболее общее в данном ряду значение, полный набор грамматических форм, наибольший набор синтаксических конструкций и самую широкую сочетаемость. Эти свойства создают прагматическую специфику доминант — способность обслуживать такие ситуации действительности, в которых другие синонимы ряда не употребляются. Например, в группе синонимов *спрашивать*, *осведомляться* и *справляться* лишь первый глагол, являющийся доминантой ряда, способен употребляться в функции экзаменационного и риторического вопросов. Экзаменационный вопрос: *На экзамене по истории его спросили, когда была основана Александрия, но не На экзамене по истории у него осведомились (справились), когда была основана Александрия.*

Риторический вопрос: *Но я спрашиваю: почему— все стали ходить в грязных калошах и валенках по мраморной лестнице?* Сведения о способности

вводить эти два типа вопросов должны фигурировать в прагматической зоне словарной статьи *спрашивать*, но не в словарных статьях его синонимов.

Еще один интересный тип прагматической информации — некоторые культурные, или «наивно-энциклопедические» сведения. Необходимость их включения в полное семантико-прагматическое представление лексем была показана (в других терминах) еще в работе Вендлера на примере названий родства. Речь идет об интерпретации примеров типа *хорошая/плохая сестра*, *хороший/плохой брат*. Очевидно, что значения самих названий родства не включают смысловых компонентов, к которым могли бы присоединяться оценочные прилагательные *хороший* и *плохой*. Действительно, брат *X-а* = 'человек мужского пола, родители которого являются родителями *X-а*', но *хороший брат* не тоже самое, что 'хороший человек мужского пола ...'. Значит, в «наивно-энциклопедическую» зону для таких слов должно быть включено представление о функциях, которые люди, связанные родственными отношениями, в соответствии с нормами данного общества выполняют по отношению друг к другу. В словосочетаниях типа *хороший/плохой брат* оценивается именно то, как они выполняют эти функции.

1.5.2. Другие свойства лексемы

Здесь имеются в виду все свойства лексемы, за исключением собственно семантических и стилистических, — морфологические, синтаксические, сочетаемостные, коммуникативно-просодические. Часто они лексикализуются и тогда подлежат включению в ее словарную статью. Вместе с информацией о синонимах, антонимах, конверсивах, дериватах и других подобных связях данной лексемы с другими лексемами в словаре они образуют ее неповторимый лексический мир.

Рассмотрим в качестве иллюстрации таких свойств лексический мир пары лексем *влияние 1* и *влияние 2*.

1) Семантика: *Влияние 1* — имя действия, то есть акциональное существительное, например: *оказать на кого-л. влияние*; *Влияние 2* — имя свойства или параметра, неакциональное существительное, например: *пользоваться влиянием в академических кругах*.

2) Грамматическая парадигма: у *влияния 1* есть форма множественного числа, например: *различные влияния, которым он подвергался в Петербурге*; у *влияния 2* формы множественного числа нет.

3) Управление: *влияние 1* — на кого-л. (как *воздействие на кого-л.*); *влияние 2* — среди кого-либо, в какой-либо среде, в каких-либо кругах, например: *влияние среди ученых (в театральной среде, в военных кругах)* (как *авторитет среди ученых (в театральной среде, в военных кругах)*).

4) Сочетаемость: а) с *прилагательными*: *сильное (слабое, большое) влияние 1*, как *сильное (слабое, большое) воздействие*, но только *большое влияние 2*, как *большой авторитет*; *благотворное (хорошее, положительное, тлетворное, дурное, пагубное, вредное, плохое, отрицательное) влияние 1*, при полной невозможности соответствующих адъективных словосочетаний с *влиянием 2*; б) с *глаголами*: *влияние 1* сочетается с акциональным глаголом *оказывать*, а *влияние 2* — с неакциональным глаголом *пользоваться* в той же роли, причем у него характерным образом нет формы совершенного вида *воспользоваться*; например: *Он пользуется (не воспользовался) большим влиянием в театральной среде*.

5) Синонимы: *влияние 1* — *воздействие, действие, эффект*; *влияние 2* — *вес, авторитет, влияние, престиж*.

6) Словообразовательные связи: *влияние 1* — производное существительное от глагола *влиять (на кого-либо)*; у *влияние 2* нет соответствующего производящего глагола. В свою очередь, в словообразовательное гнездо *влияния 2* входят прилагательное *влиятельный* и синонимичная ему предложно-именная

группа с *влиятием*; например: *Это человек влиятельный* — *Это человек с влиятием*. У лексемы *влиятие* I таких словообразовательных связей нет.

Такие разительные контрасты в «лексических мирах» могут сами по себе, то есть еще до построения аналитических толкований, рассматриваться как основание для разграничения значений слова и использоваться как удобный технический прием лингвистической диагностики. Когда-то в ходу были специальные тесты для решения вопроса о том, надо ли усматривать в таком-то случае два разных лексических значения слова или нет. При этом критическим обычно считалось какое-то одно различие между употреблениями, претендующими на статус самостоятельных значений, например, различие в составе синонимов или различие в составе дериватов. Более убедительной представляется лингвистическая диагностика, которая при решении таких вопросов требует установления различий по всей совокупности свойств двух разных употреблений данного слова, то есть различий в их грамматических парадигмах, возможных наборах грамматических значений каждой граммы, синтаксических свойствах, сочетаемости, коммуникативно-просодических особенностях, стилистических регистрах, а также в их словарных связях (синонимы, антонимы, конверсивы, дериваты).

1.6. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ТИП

Лексикографическим типом (ЛТ) называется класс лексем, у которых есть много общих свойств, одинаково реагирующих на определенные лингвистические правила. Обратим внимание на параллелизм понятий лексемы и ЛТ: очевидно, что для описания ЛТ оказываются существенными те же типы лексикографической информации, что и для описания лексемы. При переходе от лексемы к ЛТ меняется не столько набор признаков, сколько объект описания.

Хорошим примером ЛТ (точнее, двух разных ЛТ) являются моторно-кратные глаголы типа *ходить, бегать, летать, плавать, ездить, ползать, возить, водить, носить*. Существующие толкования основных значений этих глаголов имеют следующий вид (на примере глагола *ходить*): *ходить* = 'то же, что идти, с той разницей, что ходить обозначает движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время'. На самом деле почти каждое такое толкование скрывает в себе по два разных значения — занятия и действия. Приведём примеры: а) *Дети ходили по двору* [занятие]. VS. б) *Они каждый день ходили купаться* [действие].

1) Семантика. Как обозначение занятия глагол описывает перемещение в разных направлениях в одном пространстве, т. е. разнонаправленное перемещение, а как обозначение действия — перемещение из одного пространства в другое и обратно, т. е. двунаправленное перемещение. У занятий отдельные перемещения мыслятся как синхронные с моментом наблюдения, а у действий перемещение туда и перемещение обратно мыслятся как асинхронные и не связанные непосредственно с моментом наблюдения.

Между двумя рассматриваемыми значениями (разнонаправленного и двунаправленного перемещения, или занятия и действия) моторно-кратных глаголов есть несколько существенных системных различий в области а) грамматических

форм, б) управления, в) лексической сочетаемости, г) лексических связей в словаре и д) правил взаимодействия с грамматическими значениями. Эти различия создают два рельефно противопоставленных ЛТ.

2) Грамматические формы и их значения. Моторно-кратные глаголы в значении действия, как ясно из уже приведенных примеров, допускают образование формы совершенного вида: *сходил, сбегал, слетал, съездил, сводил* (детей в цирк), *сплавал* (на тот берег) и т. п. Ни в каких других значениях, включая значение занятия, моторно-кратные глаголы формы совершенного вида не имеют.

3) Управление. Занятия и действия различаются числом и составом семантических актантов. У занятий три актанта: Он [А 1] *нервно ходил по комнате* [А2 = пространство перемещения] *из угла в угол* [А3]. У действий по меньшей мере четыре актанта: *Вечером он* [А1] *ходил из института* [А2 = начальная точка] *в библиотеку* [А3 = конечная точка] *позаниматься* [А4 = цель]. При этом некоторые актанты, внешне оформленные одинаково, на самом деле различны.

Во фразах типа Он *ходил из школы в библиотеку* последние два актанта, как ясно из сказанного выше, выполняют семантические роли начальной и конечной точки соответственно. Казалось бы, точно такие же роли выполняют и предложно-именные группы *из конца в конец, из угла в угол, из стороны в сторону* во фразах типа Он *ходил из конца в конец* (из угла в угол, из стороны в сторону) по комнате. Однако это формальное сходство обманчиво.

Компоненты словосочетания *из школы в библиотеку* семантически и синтаксически самостоятельны, а компоненты словосочетаний типа *из стороны в сторону* неразрывны.

Семантически и синтаксически группы *из конца в конец, из угла в угол, из стороны в сторону* ближе внешне отличным от них псевдосочинительным группам *туда и сюда, туда и обратно, взад и вперед* и т. п. Все эти группы во

многих предложениях относительно легко заменяют друг друга и, тем самым, выполняют одну и ту же семантическую и синтаксическую роль. Приведём примеры: Он нервно ходил *из конца в конец* (*из угла в угол, туда и сюда, взад и вперед*) по комнате. Но в группе *туда и сюда* оба наречия имеют значение конечной точки, а в группе *взад и вперед* ни то, ни другое наречие не обозначает ни конечную, ни тем более начальную точку пути. Значит, и в группах *из конца в конец, из угла в угол* и т. п. значения начальной и конечной точки реально неразличимы. Все перечисленные словосочетания (*из конца в конец, из угла в угол, из стороны в сторону, туда и сюда, туда и обратно, взад и вперед*) суть фраземы со значением рисунка пути.

4) Сочетаемость. Занятия сочетаются с локативными детерминантами и в этом случае приобретают черты экзистенциального значения, особенно в случае препозиции сказуемого: *По перрону бегали пассажиры*. Действия с локативными детерминантами не сочетаются.

5) Семантические связи. (а) Моторно-кратные глаголы в значении занятия могут иметь производные существительные типа *беготня, ходьба*, а также производные делимитативы и пердуративы, например: *побегать, поездить, полетать, поплавать, походить, пробегать, проездить, пролетать, проплавать, проходить* и т. п. От действий в собственно двунаправленном значении такие производные не образуются. (б) Занятия имеют производные на *за-* с начинательным значением; у действий таких производных нет

б) Правила согласования лексических значений с грамматическими. Занятия сочетаются преимущественно с процессными значениями формы несовершенного вида, включая актуально-длительное, а действия — с результативными. Приведём примеры: *Посмотри, как малыши бегают по площадке* [актуально-длительное] VS. *Ты сегодня ходил за газетами?* [общефактическое результативное]. Процессные употребления для моторно-кратных глаголов в значении действия нехарактерны, а актуально-

длительное значение им абсолютно противопоказано. Итак, в рассмотренном круге употреблений почти каждый моторно-кратный глагол распадается на две разные лексемы, а все моторно-кратные глаголы — на два разных ЛТ, каждый с характерным для него набором семантических, синтаксических, сочетаемостных и иных особенностей и своими правилами взаимодействия с грамматическими значениями формы несовершенного вида. Назовем их условно ЛТ1 и ЛТ2.

1.7. ЛЕКСИКА КАК СИСТЕМА

Мы исходим из следующих теоретических представлений об устройстве лексических значений в масштабе всего словаря:

а) Множество лексических значений естественного языка системно организовано, хотя и в меньшей мере, чем скажем, его грамматика.

б) Лексическая система имеет классификационный и операционный аспекты.

в) Как классификационная система лексика представляет собой нестрогую иерархию с многократно пересекающимися семантическими классами и подклассами.

г) Как операционная система она характеризуется правилами взаимодействия значений в тексте.

Ранее мы уже демонстрировали такие семантические связи для лексем *влияние 1* и *влияние 2*, но без подробных семантических пояснений. Между тем интересно проследить за тем, как их можно находить более или менее формально, в частности — на основе сравнения аналитических толкований лексем. Продemonстрируем сказанное примерами из области синонимии.

Глагол *уповать* отличается от своего ближайшего синонима *надеяться* тем, что указывает на некую высшую или верховную силу как на источник надежды. Это либо нечто сверхъестественное, либо человек, организация, чьи возможности намного превосходят возможности субъекта. Приведём примеры: *уповать на Бога*, *уповать на царя*. Поэтому *уповать* было бы неуместно во фразе типа *Теперь можно надеяться только на себя*. Различие смыслов 'высшая и верховная сила' характерно также для следующих пар глагольных лексем (второй приводится лексема, в значении которой так или иначе представлена ссылка на высшую силу): *обещать* и *клясться*, *бояться* и *трепетать*, *жаловаться* и *роптать*, *наказывать* и *карать*, *прогнозировать* и *пророчить*, *назначение* и *предназначение*, *уважение* и *пиетет* и других.

До сих пор мы говорили о сходствах между лексемами и классами лексем, устанавливаемых исключительно на основе совпадения каких-то семантических компонентов в их полных семантических представлениях или даже в собственно толкованиях.

Если общие смысловые компоненты занимают одни и те же позиции в семантических представлениях, всех лексем такого класса, у них могут обнаруживаться совпадающие морфологические, синтаксические, сочетаемостные, коммуникативно-просодические свойства. Тогда сходство между лексемами устанавливается на основе их интегральных лексикографических представлений, и они объединяются в лексикографические типы.

Словарные статьи всех лексем определенного ЛТ должны моделироваться по единому образцу, то есть содержать в соответствующих зонах однотипную информацию об их значениях и по возможности одну и ту же информацию о грамматических формах лексем, их управлении, сочетаемости, семантических правилах и т. п.

Различные ЛТ связаны друг с другом сложными отношениями включения и пересечения. В каждом из этих случаев возникают новые ЛТ. Так, лексемы *ездить (на трамвае)*, *возить (на грузовике)*, *кататься (на катере)*, *летать (на дирижабле)*, *ходить (на паруснике вокруг света)* имеют валентность транспортного средства, которая должна быть единообразно учтена в их словарных статьях. Очевидно, что та же валентность присуща и моторно-некратным глаголам со значением неавтономного перемещения — *ехать (на трамвае)*, *везти (на грузовике)*, *лететь (на дирижабле)*, *идти (на паруснике)*. Следовательно, на пересечении ЛТ моторно-кратных и моторно-некратных глаголов образуется компактный ЛТ глаголов неавтономного перемещения, которые тоже должны быть описаны по единой схеме.

Все перечисленные обстоятельства должны учитываться в словарных статьях больших и малых ЛТ и отдельных лексем. В идеале каждая словарная статья системного словаря должна отражать одновременно и типовые, и индивидуальные свойства лексем, т. е. совмещать черты лексикографического типа и лексикографического портрета.

В данной главе мы представили основные принципы и понятия системной лексикографии и показали какие конкретные результаты можно получить с их помощью. В результате получилась относительно полная картина теоретических проблем, практических задач и способов их решения, с которыми имеет дело системная лексикография.

ГЛАВА II

ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ

Данная глава посвящена исследованию религиозной лексики русского языка. Долгое время этот лексический пласт находился вне зоны внимания лингвистов. В последние годы в связи с изменениями, произошедшими в обществе, активизировался интерес к изучению данного лексического класса. Появился ряд исследований этого класса слов, выполненных в русле когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, этнолингвистики, стилистики (В. И. Карасик, Ю. Т. Листрова-Правда, Е. В. Сергеева, Л. М. Майданова, Ж. П. Белова, М. П. Одинцова, Г. Н. Складарская, Л. П. Крысин, Р. И. Горюшина, А. Д. Шмелев и др.), что нашло отражение в лексикографической практике (Складарская, Морковкин, Морковкина). Сформировавшаяся (хотя и в течение достаточно небольшого периода) научная традиция изучения христианской лексики позволяет теоретически осмыслить роль данного лексического множества в формировании русской языковой картины мира, определить его место в лексической системе русского языка и наметить перспективы изучения.

1. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В РЯДУ ДРУГИХ КАРТИН МИРА

Сфера религии занимает одно из главных мест в русской языковой картине мира. Религиозность как доминанта русского национального менталитета отмечается многими исследователями (см.: Арутюнова 1999; Бердяев, 1994, 1997; Булгаков 1993, 1996; Вежбицкая 2001; Гак 1997, 2000; Гачев 1994, 1995; Зеньковский 1996; Караулов 2002; Касевич 1999; Лосский 1994; Мечковская 1998; Тимофеев 2001 и др.). Основой для изучения христианской лексики русского языка как системы и репрезентированного ею фрагмента языковой картины мира может служить идеографическое описание данного лексического класса.

Между языком и религией как формами общественного сознания существует сложная взаимосвязь, т. к. и язык и религия затрагивают различные аспекты человеческой психологии и культуры. Эта взаимосвязь рассмотрена в ряде работ, таких как Мечковская 1998, 2000; Карасик 2003 и других.

Н. Б. Мечковская определяет отношения религии и языка как связь «источника жизненно важных смыслов», из которого «развилось все содержание человеческой культуры», и «семантического фундамента», «универсальной оболочки» этих смыслов⁵.

Язык и религия в разной мере связаны с менталитетом народа. Религия (по крайней мере, мировая религия, такая, как христианство) в силу своего наднационального характера обычно не является специфической национальной системой воззрений. Язык, напротив, может восприниматься как фактор этнической самобытности; посредством языка осуществляется передача социального опыта от поколения к поколению.

Национальная картина мира отражается в языке в системе лексических и грамматических значений, в религии – в системе религиозных представлений.

⁵ Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: Фаир, 1998. С. 36

По мнению Н. Б. Мечковской, религиозная картина мира, охватывает следующие области:

- 1) представление о Боге;
- 2) представление о воле, заповедях Бога, его требованиях по отношению к людям;
- 3) учение о человеке, обществе, путях спасения, о потустороннем мире;
- 4) религиозно-этические нормы;
- 5) представления о церковном культе, церковной организации⁶.

Глубокая взаимосвязь языка и религии не случайна. Религия воспринимается верующими как связь между Богом и людьми, основанная на *договоре, завете*. Так, в круг ключевых понятий христианства входят такие, которые связаны с передачей информации, т. е. прямо или опосредованно с языком: *Откровение, заповедь, завет, пророк, Священное Писание, проповедь, молитва* и др. Христианство относится к религиям Писания, т. е. таким, в которых откровение мыслится записанным. Жизнь Церкви выражает себя в языке Церкви, через Священное Писание и Предание. Книги, содержащие божественное Откровение, признаются сакральными и считаются неприкосновенными. Успешность религиозной практики ставится в прямую зависимость от правильности сакрального текста. Отсюда повышенное внимание к языку⁷.

Наиболее очевидным представляется влияние религии на язык. Религиозно-конфессиональные факторы играют значительную роль в судьбах языков, что обусловило ряд лингво-коммуникативных процессов:

- 1) распространение двуязычия культового и народного языков, так называемого функционального двуязычия;

⁶ Мечковская, Н.Б. Язык и религия. М.: Фаир, 1998. С. 33

⁷ Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: Фаир, 1998. С. 72 - 73

- 2) расширение семантических возможностей языка. Переводы богослужбных книг становились крупнейшими событиями в истории многих языков: создавались или существенно преобразовывались алфавиты, расширялся словарь, вырабатывались новые синтаксические конструкции;
- 3) усложнение системы жанров письменной коммуникации, развитие аллегорической, абстрактно-философской, экспрессивно-метафорической речи;
- 4) углубление рефлексии над языком⁸.

Труднее увидеть и объяснить обратную зависимость религии от языка. В истории религий вопросы языка часто приобретали жизненную важность. Н. Б. Мечковская отмечает два процесса, связанных с влиянием языка на религию:

- 1) перевод Писания нередко приводил не к распространению учения, а к его видоизменению;
- 2) язык способен быть предпосылкой и формой проявления религиозных противоречий.

В Русской православной церкви (далее – РПЦ) вопросы языка затрагивают две проблемы: перевод Священного Писания и богослужбных книг и использование русского языка как языка богослужения. Проблемы эти во многом остались нерешенными до сих пор, хотя к их обсуждению иерархи РПЦ обращались неоднократно. Так, в 1918 г. Совещание епископов Священного Собора Православной Российской Церкви под председательством св. патриарха Тихона передало Высшему Церковному Управлению для исполнения документ, содержащий, в частности, следующие рекомендации: при сохранении славянского языка в качестве основного языка богослужения «признаются права общерусского и малороссийского языков для богослужбного употребления». Вопрос этот обсуждается и в настоящее время. Как отмечает

⁸ Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: Фаир, 1998. С. 75 - 83

один из известных современных богословов, довести до понимания современников мысль святых отцов, содержание живого предания можно, только выразив эту мысль на языке, понятном в наше время.

При работе с таким репрезентантом культурной информации, как христианская лексика, нужно учитывать следующие обстоятельства. Христианство как мировая религия по сути своей наднационально. Как пишет Н. Б. Мечковская, однонациональные религии (такие, как иудаизм евреев, синтоизм японцев и т. п.) – явление редкое. Обычно одну религию исповедуют несколько или много народов. С другой стороны, в современном мире обычно сосуществуют в рамках нации нескольких конфессий, это относится и к русским. Несмотря на это, специфика русской культуры во многом определяется христианством. Как отмечают исследователи, такие как Тимофеев, Сергеева, Мечковская, даже мировые религии в разных странах отличаются определенным национальным колоритом, что находит отражение в языковой системе. Православная вера принадлежащих к разным этносам людей одинакова, но проявляется она в заметно различающихся между собой национальных особенностях церковного пения, богослужебного языка, архитектуры храмов, некоторых церковных обычаях. Зафиксированы эти отличия и в лексике того или иного языка. Так, для обозначения священнослужителя 2-ой степени православной церковной иерархии в русском языке существует целый ряд имен: *пресвитер* (употр. чаще в официальных церковных документах, а также по отношению к служителям культа других христианских конфессий), *священник* (употр. также по отношению к служителям культа других христианских конфессий); *поп* (употр. в разговорной речи с оттенком грубоватой фамильярности); *батюшка* (употр. также в обращении с оттенком ласковой почтительности); *отец* (употр. также в обращении при имени). Для обозначения священнослужителей других конфессий наряду с существительным *пресвитер* используются другие: *ксендз* – католический священник в Польше, *кюре* –

католический священник в Бельгии и Франции, *пастор* – служитель культа в протестантских церквях.

Язык и конфессионально-вероисповедная принадлежность, наряду с этничностью (национальностью), относятся к тем «измерениям человека, которые не выбирают». Эти измерения относятся к числу факторов, которые создают своеобразие культуры и ментальности народа, определяют национальную картину мира⁹.

⁹ Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: Фаир, 1998. С. 37 - 38

2. РОЛЬ ЛЕКСИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ведущая роль в отражении национальной картины мира принадлежит лексике, хотя культурно-исторический компонент присутствует на всех уровнях языковой системы. Однако именно в лексической системе мы можем отыскать материал, выражающий специфические черты национального мировосприятия, поскольку именно слово является основной единицей языка, «сквозь которую воспринимается и при помощи которой концептуализируется человеком мир»¹⁰. Приоритет лексической картины мира по отношению к морфологической, синтаксической и другим объясняется прежде всего тем, что количество лексических единиц в языке неизмеримо больше, чем других. Отсюда ее огромные преимущества по сравнению с иными видами языковой картины мира. Поэтому в отличие, например, от морфологической картины мира, которая изображает мир весьма абстрактно, лексическая система языка позволяет смоделировать мир в достаточно конкретной форме. Причина, по мнению А. А. Уфимцевой, заключается в том, что словарный состав языка непосредственно связан с предметным миром человека, с его социально-историческим опытом и культурно-национальными особенностями и поэтому «способен отражать ... стихийно складывающееся, закрепленное в обыденной практике представление о внешнем мире»¹¹. А. А. Уфимцева указывает, что отличительные свойства конкретных языков находят свое отражение в лексико-семантической системе каждого языка. Лексико-семантическая система представляет собой синтез сложного взаимодействия слов с элементами других уровней языковой системы. Именно лексико-семантическая система языка обеспечивает формирование языковой картины мира.

¹⁰ Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: Фаир, 1998. С. 56

¹¹ Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы: На материале английского языка. М.: Фаир, 2010. С.102

3. МЕСТО ХРИСТИАНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕЁ ИССЛЕДОВАНИЮ.

Социально-политические и культурные изменения, произошедшие в жизни общества в конце 20 столетия, не могли не отразиться в языке, прежде всего в лексике как самой подвижной части языковой системы. В активное употребление вернулась значительная часть слов, связанных с христианством (названия обрядов, праздников, культовых предметов, сооружений и т. п.). Активизация функционирования христианской лексики, возвращение ее в активное употребление, вызванные сменой нравственных ориентиров общества, обуславливают повышение интереса лингвистов к описанию и изучению данного пласта лексики. Прежде всего, это проявилось в лексикографической практике. Так, в словаре «Русский язык конца 20 века. Языковые изменения» приводится около 300 лексем, связанных с религией (прежде всего, с христианством), имеющих пометы «актуализация» и «возвращение в актив».

При лексикографическом описании религиозной лексики возможны два подхода: упрощенное толкование и, напротив, усложненное, содержащее энциклопедическую информацию. На основании сравнения толковых словарей русского языка разных лет можно утверждать, что принципы лексикографического описания религиозной лексики зависят от времени и идеологических установок общества. В толковых словарях советского периода словарные статьи лексем, относящихся к религиозной сфере, как правило, включали пометы *устар.*, *книжн.*, *спец.*, *религ.*, указывавшие на ограниченную сферу употребления, а в дефинициях использовались семантические ограничители: *в суевериях*, *в религиозно-мистических представлениях*, *у верующих* и т.п. Мы не рассматриваем здесь специальные богословские словари, потому что они не были рассчитаны на широкий круг читателей и обслуживали

достаточно замкнутую сферу. В современных толковых словарях осуществляется более корректный подход к описанию религиозной лексики: более полно представлен класс религиозной лексики, расширена семантическая структура слова за счет введения в словарную статью собственно религиозных значений, изменено количество ЛСВ в структуре многозначного слова, удалены или изменены пометы, отражающие идеологические установки и т. п.

Например, в «Словаре православной церковной культуры» Г. Н. Складневской представлена лексика, относящаяся к одной из христианских конфессий – православию¹². Выполненный в традициях составления толковых словарей (лексемы расположены в алфавитном порядке, словарная статья включает грамматическую информацию, приводится иллюстративный материал и т. п.), он содержит также значительный объем энциклопедических сведений.

Большая часть христианской лексики русского языка не имеет национального своеобразия. Это прежде всего библеизмы и слова, совпадающие по значению со словами многих других языков в силу наднационального характера религии и универсальности некоторых сторон развития культуры. Однако можно с уверенностью утверждать, что вся христианская лексика культурно маркирована. В то же время нельзя не заметить, что значительное количество христианской лексики, такие слова, как *милосердие*, *смирение*, *духовность*, *соборность* и т. п. – это слова, выражающие не только религиозную нравственность, но и национальное мироощущение (см.: Верещагин, Костомаров).

В современных лингвистических исследованиях, таких как исследования Л.П. Крысина, В.И. Карасика, Л.М. Майдановой ставится вопрос о

¹² Складневская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб.: Возрождение, 2001. 455 с.

необходимости выделения в современном русском языке религиозно-проповеднического или церковно-религиозного стиля¹³.

В ряде статей лексические репрезентации христианских концептов рассматриваются в сопоставительном аспекте, например работы В. Гака, С. Оноприенко, Л. Пановой и других. Ученые, работающие в этом направлении, делают вывод о том, что различия в структуре того или иного концепта обусловлены не только различиями в национальном менталитете, но и тем, к какой христианской конфессии принадлежат (в основном) носители того или иного языка. Так, например, сопоставляя лексические репрезентации концепта *грех* в русском и итальянском языках, Л. Панова делает вывод, что в русском языке нет такой детально разработанной номенклатуры грехов, как в европейских языках, что связано с православной традицией. Для православного сознания, в отличие от католического, характерно более целостное восприятие греха (нет деления на более и менее тяжкие грехи); большая категоричность в отношении к наказанию за грехи (отсутствие идеи чистилища, необходимость искупления грехов при жизни).

В монографии А. К. Тимофеева «Религиозная лексика русского языка как отражение христианского мировоззрения» предпринята попытка целостного анализа религиозной лексики. Путь анализа таков: от этимологии слова через компонентный анализ и выявление «компонентов смысла» к обнаружению того понятийного содержания, которое репрезентировано этим словом.

Таким образом, различные подходы к исследованию христианской лексики русского языка свидетельствуют о том, что религия вновь занимает одно из значительных мест в жизни русского человека и русского общества.

¹³ Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблема лингвокультурологии и функциональной семантики. - Волгоград, Просвещение, 1999. С. 5-19

Крысин Л. П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.

Майданова Л. М. Религиозно-просветительский текст: стилистика и прагматика // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. С. 172–194.

ГЛАВА III

ПРАЗДНИКИ РПЦ И ИХ КАТОЛИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

В этой главе мы расскажем о появлении двенадцатых праздников. Опираясь на такие источники, как Православная Библия, «Католическая энциклопедия» («Издательство францисканцев», М., 2002), «Краткая энциклопедия православия» В. Колесниковой (М., Центрполиграф, 2004), Энциклопедия «Религии мира» (Аванта, 2002) и др., мы проанализируем процесс появления и развития христианских праздников, рассмотрим, какие события лежат в их основе и как развивалось понимание этих торжеств.

Принятие христианства стало началом нового этапа в жизни Руси. Языческая Русь к этому времени накопила не только значительный сельскохозяйственный опыт, знания закономерностей природы и человеческой жизни, но и представительный пантеон языческих богов, систему обрядов, верований и устных народных преданий. Ритмика праздников и будней в дохристианский период была подчинена смене времен года, которые обуславливали занятия земледельца. Русичам-язычникам после крещения пришлось овладеть не только знанием православного учения, но и принять христианских святых и соотнести их с прежними верованиями. Процесс был долгим и сложным, и он нашел свое отражение в праздниках: народные и христианские переплетались друг с другом и переосмыслились в сознании людей. Стройная впоследствии система верований была сформирована этим сложным соединением народного и православного начал.

В своей книге «О великих Господских и Богородичных праздниках» архиепископ Иннокентий так объясняет традиционную церковную систему праздников: «В православной церкви издревле установлены и ежегодно в

известные дни совершаются торжества в честь и воспоминание важнейших событий в земной жизни Господа нашего Иисуса Христа и в честь примечательнейших событий из жизни Пресвятой Матери Его. Торжества сии на простом церковном языке называются праздниками, первые – Господскими, а вторые – Богородичными, и притом великими (в отличие от других, установленных по менее знаменитым случаям или в честь угодников Божиих), - и совершаются с особенною торжественностию»¹⁴.

Этих праздников – двенадцать, поэтому они называются двенадцатыми, от древнерусского «два на десяте», что и означало двенадцать. По литургическому принципу внутри годового круга они также разделяются на две категории: неподвижные (или непереходящие), которые всегда приходятся на строго определенное число месяца (вне зависимости от дня недели, ежегодно сдвигающегося) и переходящие (подвижные), которые принадлежат к так называемому пасхальному циклу и всегда отстоят на известное число дней от Пасхи.

К непереходящим относятся девять праздников:

- Рождество Пресвятой Богородицы – 8(21) сентября
- Воздвижение Креста Господня – 14(27) сентября
- Введение во храм Пресвятой Богородицы – 21 ноября (4 декабря)
- Рождество Христово – 25 декабря (7 января)
- Богоявление, или Крещение Господне – 6(19) января
- Сретение Господне – 2(15) февраля
- Благовещение Пресвятой Богородицы – 25 марта (7 апреля)
- Преображение Господне – 6(19) августа
- Успение Пресвятой Богородицы – 15(28) августа

¹⁴ Архиепископ Иннокентий. О великих Господских и Богородичных праздниках, М., Издание Московской Патриархии, 1998. С. 78 - 90

К переходящим причисляется три праздника:

- Вход Господень в Иерусалим, или Вербное воскресенье, который празднуется за неделю до Пасхи.
- Вознесение Господне, которое празднуется через 40 дней после Пасхи (в четверг шестой недели после Пасхи)
- День Святой Троицы, или Пятидесятница (через семь недель, то есть в неделю восьмую по Пасхе, всегда в воскресенье)

Сам праздник Пасхи, Святое Христово Воскресение, в это счет не входит, так как считается Праздником праздников, Торжеством Торжеств и не может стоять в одном ряду с другими праздниками. Праздник Пасхи перемещается в так называемых «пасхальных пределах», а именно в пределах 35 дней: от 22 марта (4 апреля) до 25 апреля (8 мая) и может попадать на любой воскресный день в этот период, но после весеннего равноденствия и полнолуния, а также не раньше еврейской Пасхи, по определению первого Никейского собора 325 года.

В рамках нашего исследования мы обратимся к двум языкам: русскому и английскому. Предметом нашего исследования являются следующие слова:

Рождество Богородицы	The Nativity of the Mother of God
Воздвижение Креста Господня	The Exaltation/The Elevation of the Cross
Введение во Храм Богородицы	The Presentation in the Temple of the Theotokos
Рождество Христово	The Nativity of our Lord Jesus Christ
Богоявление/Крещение	The Epiphany/ The Theophany
Сретение Господне	The Meeting of our Lord Jesus Christ

	in the Temple
Благовещение	The Annunciation
Вход Господень во Иерусалим (Вербное Воскресение)	The Entrance of the Lord into Jerusalem (Palm Sunday)
Вознесение	The Ascension
Пятидесятница (День Святой Троицы)	The Pentecost (The Trinity Sunday)
Вознесение	The Transfiguration
Успение Богородицы	The Assumption/ The Dormition

В русском языке *праздником* называют день торжества в честь или память кого-либо или чего-либо¹⁵. В.Даль уточняет, что *праздник* – это день, празднуемый по уставу церкви или же по случаю и в память гражданского события¹⁶.

В английском языке ситуация похожая. Праздником в этом языке называют день торжества, как правило, религиозного характера, посвящённый памятной событию или человеку, являющийся государственным выходным¹⁷.

Как мы видим, исходя из приведенных определений, в группе слов «праздники» существует две лексико-семантические группировки «светские праздники» и «религиозные праздники». Мы, естественно, идем по второму пути и делаем первый шаг - «праздник» - «религиозный праздник». Вторым

¹⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка, М.: Русский язык, 1986. С. 617

¹⁶ Даль В., Толковый словарь живого великорусского языка, М., Прогресс, 1994. С. 1701.

¹⁷ Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. USA: Delithium Press, 1994 P. 1504

шагом для нас является разделение лексико-семантической группировки «религиозные праздники» на несколько лексико-семантических групп. Согласно православным традициям, выделяются особо торжественные события, называемые «дванадесятыми праздниками» и значимые события (не относящиеся к первой группе). В нашем исследовании мы ограничимся только первой ЛСГ.

Согласно этимологическому словарю М.Фасмера, само слово «праздник» в русский язык попало из церковнославянского, о чем свидетельствует звукосочетание -Ра- возникшее вследствие чередования на фонетическом уровне. Родство со старославянским словом

п р а з д њ н њ

и возможное родство с древнерусским

п о р о з д њ н њ,

дают нам возможность предположить, что изначально слово «праздник» не имело дополнительного значения «религиозного праздника» и приобрело ее его результате языковой эволюции.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛЕКСИКИ, ОБОЗНАЧАЮЩЕЙ ДВУНАДЕСЯТЫЕ ПРАЗДНИКИ.

РОЖДЕСТВО', сущ., ср.р.

1. *(рел.) (с заглавной буквы)* Nativity

Момент рождения Иисуса Христа, Богородицы.

Рождество Христово Nativity of Christ

Рождество Богородицы Nativity of the Mother of God

до Рождества Христова Before Christ

от Рождества Христова Anno Domini

2. *(церк.) (с заглавной буквы)* Christmas

Христианский праздник (в православии – один из двенадцати основных) в память рождения Иисуса Христа (25 декабря/7 января).

день Рождества Christmas Day

канун Рождества Christmas Eve

3. *(церк.) (с заглавной буквы)* Nativity

Христианский праздник (в православии – один из двенадцати основных) в память рождения девы Марии (8/21 сентября).

В русском языке мы используем для двух праздников одно слово, означающее произведение на свет младенца¹⁸. Слово является семантической калькой с греческого. Английские эквиваленты представляют в данном случае особый интерес. Те же понятия, что и в русском языке, обозначены здесь двумя разными словами. Возникает вопрос, с чем это связано? Во-первых, английский

¹⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка, М.: Русский язык, 1986. С. 677

язык разделяет рождение матери Иисуса, простой, смертной женщины, и Рождество Богочеловека. Слово *Christmas* относится исключительно к Христу. Сфера использования второго слова *Nativity* значительно шире.

Слово *Рождество* в первом значении употребляется только в отношении Иисуса Христа и Богородицы и не используется в иных контекстах.

Слово *рождение* в отношении Иисуса Христа и Богородицы не употребляется. Наиболее часто слово *Рождество* мы используем в отношении дат (*До Рождества Христова, от Рождества Христова* эквивалентное в английском языке *Before Christ, Anno Domini*).

Приведём примеры:

(1а) *Время — половина восьмого утра, ненастный мартовский день, год от Рождества Христова, или, как говорят, Anno Domini 1780 (сам мистер Кранчер произносил сие не иначе, как Аннино Домино, полагая в простоте душевной, что христианская эра ведет свое начало от широкоизвестной игры, придуманной некоей Анной и посему названной ее именем).* [Charles Dickens. The Tale of two Cities: НКРЯ¹⁹]

(1б) *Mr. Cruncher himself always spoke of the year of our Lord as Anna Dominoes: apparently under the impression that the Christian era dated from the invention of a popular game, by a lady who had bestowed her name upon it.* [Charles Dickens. The Tale of two Cities: НКРЯ]

(2а) *Все эти происшествия и тысячи им подобных, повторяясь изо дня в день, знаменовали собой дивный благословенный год от Рождества Христова тысяча семьсот семьдесят пятый.* [Charles Dickens. The Tale of two Cities: НКРЯ]

(2б) *All these things, and a thousand like them, came to pass in and close upon the dear old year one thousand seven hundred and seventy-five.* [Charles Dickens. The Tale of two Cities: НКРЯ]

Слово *Рождество* во втором значении мы употребляем как в отношении самого праздника, так и в отношении периода празднования. В русском языке

¹⁹ Национальный Корпус Русского Языка

слово *Рождество* подходит и для обозначения праздника в честь рождения Иисуса Христа и для обозначения праздника в честь рождения Богородицы. В английском языке используются разные слова. *Christmas* – для Иисуса Христа, *Nativity* (слово в третьем значении) – для Богородицы. Слово *Рождество* наиболее часто употребляется в сочетаниях : *день Рождества (Christmas Day)*, *канун Рождества (Christmas Eve)*.

Приведём примеры:

(3а) В день **Рождества** голландцы только ходят в церковь, а потом в гости к родственникам. [*Mary Mapes Dodge. Hans Brinker or the Silver Skates: НКРЯ*]

(3б) **Christmas Day** is devoted by the Hollanders to church rites and pleasant family visiting. [*Mary Mapes Dodge. Hans Brinker or the Silver Skates: НКРЯ*]

ВОЗДВИЖЕНИЕ, сущ., ср.р.

КРЕСТА ГОСПОДНЯ

1. (церк.) (с заглавной буквы) *The Elevation/The Exaltation of the Cross*

Христианский праздник (в православии – один из двенадцати основных) в память обретения Креста Господня (14/27 сентября), которое произошло, согласно церковному преданию, в 326 г. вблизи Иерусалима на месте Распятия Иисуса Христа - Голгофе. Крест был найден приехавшей в Палестину царицей Еленой (матерью императора Константина Великого) и иерусалимским патриархом Макарием и воздвигнут на месте обретения, чтобы Ему мог поклониться сошедшийся народ. В память крестных страданий Иисуса Христа в день праздника установлен строгий пост.

Русскому православному названию *Воздвижение Креста Господня* соответствует два английских эквивалента *Elevation / Exaltation*. Нам предстоит, во-первых, установить различие между двумя английскими словами а, во-вторых, сравнить полученный результат с эквивалентной единицей в русском языке. Обращаясь к толковым словарям, мы видим, что *Exaltation* вторично по отношению к *Elevation*, так как используется для описания последнего. Обращаясь к словарной статье *Exaltation* мы можем либо вообще не встретить религиозного значения²⁰, либо оно будет смещено в сторону церковных служб. В качестве синонимов эти слова фигурируют в специализированной литературе. Таким образом, мы сравним *Воздвижение* и *Elevation*. Но в этом случае мы имеем дело с полными эквивалентами. Напомним, что в основе этого праздника лежат три события: знак на небе императору Константину и последующее прославление креста (IV век), обретение креста матерью Константина Еленой и

²⁰ Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. USA: Delithium Press, 1994 P. 350

его воздвижение (поднятие) иерусалимским патриархом Макарием, и возвращение в VII веке императором Ираклием реликвии из персидского «плена» и его «воздвижение к народу». Слово *Воздвижение* в современном русском языке употребляется только в значении праздника церкви. Существует два варианта перевода слова Воздвижение на английский язык, *Elevation* и *Exaltation*, которые являются синонимами. В отличие от русского эквивалента, слова *Elevation* и *Exaltation* используются в различных значениях. То есть англоговорящий человек может не знать о существовании специального слова, обозначающего праздник, в русском языке.

Приведём примеры:

(4а) После **Воздвижения** через неделю продал я сено по тридцать копеек за пуд, добровольно... [Антон Павлович Чехов. Мужики: НКРЯ]

(4б) A week after **the Exaltation of the Cross** I sold my hay willingly at thirty kopecks a pood... [Антон Павлович Чехов. Мужики: НКРЯ]

(5а) Я оглянулся на дорогу, ферма стояла на **пригорке**, и оттуда видно было далеко кругом, и мы увидели дорогу, изгородь, поля и ряд деревьев вдоль шоссе, по которому шло отступление. [Ernest Hemingway. A Farewell to Arms: НКРЯ]

(5б) I looked back down the road, the farmhouse was on a slight **elevation** above the plain, and we could see over the country, and saw the road, the hedges, the fields and the line of trees along the main road where the retreat was passing. [Ernest Hemingway. A Farewell to Arms: НКРЯ]

ВВЕДЕ'НИЕ, сущ., ср.р.

ВО ХРАМ БОГОРОДИЦЫ

1. (*церк.*) (*с заглавной буквы*) The Presentation in the Temple of the Theotokos

Христианский праздник (в православии – один из двенадцати основных), празднуется 21 ноября/4 декабря. Установлен на основании церковного предания. В этот день вспоминается, как благочестивые родители девы Марии Иоаким и Анна привели Ее в трехлетнем возрасте в иерусалимский храм, чтобы исполнить свой обет посвятить Ее Богу. Согласно преданию, Мария с этого времени жила и воспитывалась при храме до своего обручения праведному Иосифу.

Православный праздник *Введения во Храм Пресвятой Богородицы* (*The Presentation in the Temple of the Theotokos*) появился на Западе под греческим влиянием и был включен в литургический календарь католической церкви только в 1585 году. Как в русском, так и в английском языках, существительное введение (*presentation*) изначально религиозного значения не имело. Различие лексической формы дополнено здесь смысловыми нюансами. Родители Богоматери обещали посвятить жизнь Марии служению Богу. Английское слово несет в себе значение именно «представления» маленького ребенка, будущей Богоматери, Богу. Консультируясь с Толковым словарем Даля, мы можем предположить, что русский вариант имеет следующее значение: Богоматерь входит в лоно Церкви, что ей было давно предназначено; с этого момента начинается ее путь Богоматери, которую всю ее оставшуюся жизнь будет вести Господь.

БОГОЯВЛЕ'НИЕ, сущ., ср.р.

1. (библ.) (с заглавной буквы) Theophany

Описанное в Евангелии событие явления Бога в лице Иисуса Христа (Мф. 3, 3-17; Мк. 1, 9-11; Лк. 3, 21-22; Ин.1, 29-34).

2. (церк.) (с заглавной буквы) Theophany

Христианский праздник (в православии – один из двенадцати основных), представляющий собой литургическое воспоминание пришествия в мир и явления миру Бога в лице Иисуса Христа. В данном случае отношения православной и католической традиций усложняются догматическими различиями. Православная Церковь объединяет праздник Богоявления с праздником Крещения Господня и отмечает его 19 января. Это связано с евангельской историей, повествующей о гласе Божиим во время крещения Христа Иоанном Крестителем в реке Иордан (Мф. 3, 3-17; Мк. 1, 9-11; Лк. 3, 21-22; Ин.1, 29-34). Английское понятие Богоявления объединяет помимо Крещения такие события, как поклонение волхвов (Мф. 2, 1-12) и Чудо в Кане Галилейской (Ин. 2,1-11)²¹. Католическая церковь отмечает праздник Богоявления на двенадцатый день после Рождества, 19 января. Как мы видим, точного соответствия в исследуемых языках нет.

Праздник Богоявления – The Feast of Theophany

Впервые термин *Богоявление* употребляется на рубеже II-III вв. у Климента Александрийского как праздник в день Крещения Господня, то есть начало исполнения Им Своего мессианского служения. В начале IV века это празднование приобрело широкое распространение на Востоке, а в середине IV века проникло на Запад. Параллельно на Восток пришла с Запада традиция праздника Рождества Христова, который во многих поместных церквях (в том числе в Иерусалимской) праздновался 6 января (19 января), в один день с

²¹ Католическая энциклопедия, «Издательство Францисканцев», 2002. С.220

Крещением Господним. В VI веке Рождество Христово на всём Востоке закрепилось как самостоятельный праздник, отмечаемый 25 декабря (7 января), а Богоявление стало исключительно воспоминанием о крещении Иисуса.

На Западе праздник Богоявления уже в IV веке ассоциировался с тремя вышеупомянутыми евангельскими событиями. Именно в таком качестве Богоявление закрепилось в эпохе зрелого Средневековья во всех западных литургических обрядах, причём воспоминание о поклонении волхвов находилось на первом плане.

В результате реформы литургического календаря после II Ватиканского собора крещение Господне стало праздноваться в латинском обряде как самостоятельный праздник, приходящийся на первое воскресенье после Богоявления, а само Богоявление празднуется в ранге торжества 6 января (19 января).

КРЕЩЕ'НИЕ, сущ., ср.р.

1. (рел.) Baptism

Таинство, вводящее человека в церковь. Крещение совершается посредством омовения водой (погружения или обливания) с одновременным обращением к Пресвятой Троице – Отцу, Сыну и Святому Духу.

проводить обряд крещения to administer baptism

принять крещение to accept/receive baptism

имя в крещении name of baptism

2. (библ.) (с заглавной буквы) Epiphany

Описанное в Евангелиях событие крещения Иисуса Христа Иоанном

Крестителем в водах реки Иордан (Мф. 3, 13-17; Мк. 1, 9-11; Лк. 3, 21-22; Ин. 1, 29-34).

3. (церк.) (с заглавной буквы)

Христианский праздник (в православии – один из двенадцати основных) в память крещения Иисуса Христа Иоанном Крестителем в водах реки Иордан.

Как в русском, так и в английском языках слово используется в трёх значениях, но наиболее часто в первом значении.

Приведём примеры:

(6а) *Он проговорил вкрадчиво, точно хотел обмануть лихоимца, притаившегося у него в сердце: Скажи людям, Педро, что за **крещение** я возьму только по одному песо.... [Graham Greene. The Power and the Glory: НКРЯ]*

(6б) *He said-with a feeling of cunning as though he were cheating a greedy prompter inside his own heart: "Tell the people, Pedro, that I only want one peso for the **baptisms**...". [Graham Greene. The Power and the Glory: НКРЯ]*

СРЕ'ТЕНИЕ, сущ., ср.р.

1. (*устар.*) Meeting

Встреча.

сретение чудотворной иконы meeting of the miracle-working icon

2. (*церк.*) Meeting

Христианский праздник (в православии – один из двенадцати основных), который отмечается 2 февраля/15 февраля. По прошествии сорока дней от рождения Иисус Христос был принесен Его матерью св. Девой Марией и Ее обручником Иосифом в Иерусалимский храм для соответствующего иудейскому закону посвящения Господу (так приносился каждый мальчик-первенец см. Исх. 13;2; Чис. 8:16; Лев. 12;6,8). По вдохновению в это время в храм пришел Симеон "муж праведный и благочестивый... Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господа" (Лк. 2,25-26). Симеон, взяв Младенца Иисуса "на руки, благословил Бога и сказал: ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему с миром, ибо видели очи мои спасение Твое,... свет к просвещению язычников, и славу народа Твоего Израиля" (Лк. 2;28-32).

Сретение Господне The of Our Lord Jesus Christ

Слово в первом значении в современном русском языке почти не употребляется, но встречается в стилизованных, ориентированных на церковно-славянскую речь христианских контекстах.

Приведём пример:

(7) 13 декабря 2003 года был призван из этой жизни в **сретение** Небесного Жениха добрый и неунывающий деятель на ниве Христовой Церкви – протоиерей Василий Бацук.
[Протоиереи (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.01.26: НКРЯ]

Заметим, что в современном английском языке специального слова для обозначения праздника нет, в отличие от русского. Слово во втором значении употребляется в современном русском языке только в значении праздника церкви. Эквивалентное ему в английском языке слово употребляется в различных значениях, таких как: собрание, митинг, встреча, дуэль²².

²² Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. USA: Delithium Press, 1994 P. 860

БЛАГОВЕ'ЩЕНИЕ, сущ., ср.р.

1. Annunciation

Добрая, радостная новость.

Благовещение Пресвятой Деве Марии The Annunciation to the Most Holy Virgin

2. (церк.) (с заглавной буквы) Annunciation

Христианский праздник (в православии – один из двенадцати основных) в память явления Деве Марии архангела Гавриила, возвестившего ей о будущем рождении Иисуса Христа - Спасителя: "Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами... Ты обрела благодать у Бога; и вот зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя Иисус. Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое святое наречется Сыном Божиим" (Лк. 1; 28, 30-31, 35). Празднуется 25 марта/7 апреля.

Рассмотрим значения слова в русском и английском языках. Лексическая форма, в силу разного происхождения языков, различается. Нюанс значения заключается в различной трактовке «новости» в английском и русском языках. Так, даже морфологически русское слово *Благовещение* показывает нам, что передаваемая новость есть радостное событие²³. Английские источники и словари (Лонгман, Вебстер) настаивают на нейтральной трактовке слова *annunciation* (the act of announcing, proclamation)²⁴.

Приведём примеры:

²³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, М., Прогресс, 1994. С.67

²⁴ Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. USA: Delithium Press, 1994 P. 61

(8а) *И, как нарочно, морозы все время стояли трескучие, навалило высокие сугробы; и зима затянулась: на Благовещение задувала настоящая зимняя вьюга, а на Святой шел снег.*
[Антон Павлович Чехов. Мужики: НКРЯ]

(8б) *And as ill-luck would have it, there was a sharp frost all the winter, the snow drifted in high heaps, and the winter dragged on: at Annunciation there was a regular blizzard, and there was a fall of snow at Easter.* [Антон Павлович Чехов. Мужики: НКРЯ]

ВХО'Д, сущ., м.р.

ГОСПОДЕНЬ ВО ИЕРУСАЛИМ

1.(библ.) (с заглавной буквы) The Entrance of the Lord into Jerusalem

Описанное в Евангелиях событие Входа Иисуса Христа во Иерусалим (Мф. 21, 1-17; Мк. 11, 1-19; Лк. 19, 29-48; Ин. 12, 12-19).

2. (церк.) (с заглавной буквы) Palm [Fig, Hosanna] Sunday; The Entrance of the Lord into Jerusalem

Христианский праздник (в православии – один из двенадцати основных), празднуется в шестое воскресенье Великого поста (за неделю до Пасхи). В этот день вспоминается встреча иерусалимским народом Иисуса Христа как Царя и Мессии, въезжавшего в город "на ослиати" в сопровождении апостолов. "Множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идет в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: "Осанна! Благословен грядущий во имя Господне, Царь израилев" (Ин. 12; 12-13). "Осанна Сыну Давидову! Благословен грядущий во имя Господне! Осанна в вышних!" (Мф. 21; 9). На Востоке существует традиция в день праздника приходить в храм с пальмовыми ветвями, в России приносят ветки вербы. Отсюда произошло другое название праздника - Вербное воскресенье.

Праздник *Входа Господня во Иерусалим* более известен как *Вербное Воскресение*, *Palm Sunday* в английском языке. Особый интерес для нас представляет разность лексических форм. Различия заключаются в разной символике, связанной с Входом Христа во Иерусалим. На Западе жители приветствовали его пальмовыми ветвями, а в православии, в особенности, в северной Руси веточками вербы. В церковной латыни использовались следующие варианты

Dominica in ramis palmarum (КЭ)

Dominica in palmis de Passione Domini (КЭ),

где, как мы видим, фигурирует пальмовая ветвь, которой жители города приветствовали прибывшего Христа. В византийской, и соответственно, в русской церкви в силу природной специфики пальмовая ветвь заменена на вербу. На Руси верба играла ту же роль, что пальма, пальмовые ветви. В старину с зелёными ветвями встречали царей, возвращавшихся с торжеством после победы над врагами. И мы, держа в руках первые распускающиеся весной ветви, прославляем Спасителя, как Победителя смерти; потому что Он воскрешал умерших и в этот самый день входил в Иерусалим для того, чтобы умереть за наши грехи и воскреснуть и тем спасти нас от вечной смерти и вечных мук. Ветка служит у нас тогда знаком победы Христа над смертью и должна напоминать нам о будущем воскресении всех нас из мертвых.

ВОЗНЕСЕ'НИЕ, сущ., ср.р.

1. Rapture

Взятие живым на небо.

Вознесение Илии на небеса Elijah's rapture to heaven

2. (библ.) Ascension

Описанное в Евангелиях событие вознесения Иисуса Христа на небо (Мк. 16, 15-19; Лк. 24, 46-53; Деян. 1; 2, 4-26).

3. (церк.) (с заглавной буквы) Ascension Day

Христианский праздник (в православии – один из двенадцати основных), празднуется на сороковой день после Пасхи - в четверг шестой недели. В этот день вспоминается восшествие Иисуса Христа на небо и обетование о Его втором пришествии. Явившись Своим ученикам после Воскресения, на сороковой день Иисус вывел их из Иерусалима "и, подняв руки Свои, благословил их. И когда благословлял их, стал отделяться от них и возноситься на небо". (Лк. 24, 51). "И облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо" (Деян. 1).

Пара терминов *Вознесение* и *Ascension* имеют различия лишь в лексической форме, что подтверждается не только историческими данными, но и содержанием статей толковых словарей. Они подтверждают нам, что и латинское слово, и греческое слово, с которого впоследствии скалькировано русское название имели значение «восходить». Это может служить доказательством общности сигнификата. В русском языке мы имеем дело с калькой с греческого

$\alpha \nu \alpha \beta \alpha \sigma \iota \varsigma$ (от $\alpha \nu \alpha \beta \alpha \iota \nu \omega$ – восходить) (КЭ), что подтверждает и словарь М.Фасмера. В католической традиции это знаменательное событие именуется *Ascension Day* и восходит к латинскому *ascensio* – восхождение.

ПЯТИДЕСЯТНИЦА, сущ., ж.р.

1. *(рел.)* The Paschal time; The fifty days from Easter to Trinity Sunday

Пятьдесят дней от Пасхи до праздника Святой Троицы.

2. *(рел.) (с заглавной буквы)* Pentecost

Пятидесятница – один из великих праздников древнееврейского народа, установленный в память дарования закона на горе Синай. Праздновался в пятидесятый день после Пасхи. Пятидесятница приходилась на время окончания жатвы и собирания плодов, которые приносились в жертву в храме. В день Пятидесятницы совершилось сошествие Святого Духа на апостолов, вследствие чего праздник этот перешел и в христианскую церковь, сохранив то же самое название, заменяемое иногда и другими – Троицын День, сошествие Святого Духа на апостолов.

3. *(церк.) (с заглавной буквы)* The Pentecost; The Trinity Sunday; The Feast of the Descent of the Holy Spirit upon the Apostles; Whitsunday; Whitsun Day

Неделя после Пятидесятницы Whitsuntide

Святая Пятидесятница The Holy Pentecost

Христианский праздник (в православии – один из двенадцати основных), празднуется в пятидесятый день после Воскресения Христова. Праздник Пятидесятницы посвящен Сошествию Святого Духа на апостолов: на пятидесятый день после воскресения Иисуса Христа (и на десятый день после Вознесения), когда апостолы собрались вместе "внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать" (Деян. 2; 24). Также называется Троицыным Днём, так как с этого дня раскрылось миру действие всей Пресвятой Троицы, и люди научились поклоняться и прославлять три Лица единого Божества: Отца и Сына и Святого Духа. В Постановлениях

апостольских есть прямая заповедь праздновать Пятидесятницу (кн. V, гл. 20); в другом месте тех же Постановлений (кн. VIII, гл. 33) в числе дней, в которые рабы должны быть свободны от работ, после Пасхи и Вознесения упоминается и Пятидесятница. В IV в. у Евсевия Кесарийского, св. Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, блаженного Августина и других часто встречается упоминание о празднике сошествия Святого Духа под именем Пятидесятницы. Пятьдесят дней после Пасхи уже в древней церкви были отличены некоторыми особенностями; так, в эти дни, как и теперь, полагалось чтение книги Деяний Апостольских. В праздник П. непосредственно за литургией совершается вечерня, во время которой читаются священнослужителем в царских вратах, с коленопреклонением, три молитвы, составленные св. Василием Великим.

Следующий день, после *Пятидесятницы*, называется *Духовым Днём* и посвящен прославлению Святого Духа. В английском языке существует специальное слово для обозначения *Духова Дня* – *Whitsunday*, произошедшее от *White Sunday*. По традиции в этот день совершалось крещение над оглашенными, во время и после которого одевали белые одежды. В древней церкви новокрещённые носили белые одежды от праздника Пасхи до Духова Дня.

Праздник *Пятидесятницы* более известен как *Троицын День* или *праздник сошествия Святого Духа на апостолов*, *The Trinity Sunday* и *the Descent of the Holy Spirit upon the Apostles* в английском языке.

Приведём примеры:

(9а) *Вот она, эта история, цепь странных, впрочем, подлинных событий, случившихся на Троицу в тысяча восемьсот не помню точно каком году...*[Gilbert K. Chesterton. *The Innocence of Father Brown*: НКРЯ]

(9б) *For this is the story—the story of the strange things that did really happen in it in the Whitsuntide of the year 18...* [Gilbert K. Chesterton. *The Innocence of Father Brown*: НКРЯ]

(10а) *На второй день Троицы* после обеда Дымов купил закусок и конфет и поехал к жене на дачу. [Антон Павлович Чехов. *Попрыгунья*: НКРЯ]

(10б) *After dinner on the second day of Trinity week*, Думов bought some sweets and some savouries and went down to the villa to see his wife. [Антон Павлович Чехов. *Попрыгунья*: НКРЯ]

ПРЕОБРАЖЕ'НИЕ

ГОСПОДНЕ, сущ., ср.р.

1. Transformation

Изменение.

2. (библ.) (с заглавной буквы) Transfiguration

Описанное в Евангелиях событие Преображения Господня (Мф. 17, 1-13; Мк. 9, 2-13; Лк. 9, 28-36).

3. (церк.) (с заглавной буквы) Transfiguration

Христианский праздник (в православии – один из двенадцати основных), празднуется 6 августа (19 августа). В этот день вспоминается явление Иисуса Христа в божественной славе (еще во время земной жизни) трем избранным ученикам. Иисус Христос взял "Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних. И преобразился перед ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же его сделались белыми, как свет" (Мф. 17; 12). "И вот два мужа беседовали с Ним, которые были Моисей и Илия. Явившись во славе, они говорили об исходе Его, который ему надлежало совершить в Иерусалиме" (Лк.9;30-31). "И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте" (Мк 9; 7). Традиция соотносит неназванную в Евангелиях гору с галилейской горой Фавор. По древней традиции в этот день совершается освящение плодов.

Рассмотрим этимологию слов *Преображение* и *Transfiguration*. В русском языке мы имеем дело с калькой с греческого слова

Μ ε Τ α Μ ο ρ Τ δ ι ζ (М.Фасмер), английский язык пользуется словом *Transfiguration*, происходящим от латинского *transfiguratio*. Основное различие заключается в типе «превращения»: полное (греческий) и частичное (латинский), что основывается на значении исходных слов в греческом и латинском языках. Исходя из значений слов в греческом и латыни, мы можем

сделать вывод, что разница в наименовании праздника *Преображения/Transfiguration*, заключается лишь в разности лексической формы. В качестве исторической справки хотелось бы отметить, что в Евангелии от Матфея можно найти два абсолютно идентичных стиха (и в православном, и в католическом варианте), одинаково повествующих о гласе с неба и во время Преображения, и во время Крещения. Вероятно, это связано с особенностями перевода, но и там и там мы находим: «Сей есть Сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение» (Мф. 3, 13-17; 17, 1-9).

Приведём примеры:

(11a) *The pangs of **transformation** had not done tearing him, before Henry Jekyll, with streaming tears of gratitude and remorse, had fallen upon his knee and lifted his clasped hands to God.*
[Robert Louis Stevenson. *The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde*: НКРЯ]

(11б) *Но не успели еще стихнуть муки **преображения**, как Генри Джекил, проливая слезы смиренной благодарности и раскаяния, упал на колени и простер в мольбе руки к небесам.*
[Robert Louis Stevenson. *The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde*: НКРЯ]

УСПЕ'НИЕ, сущ., ср.р.

1. (*церк.*) (*с заглавной буквы*) Assumption; Dormition

Христианский праздник (в православии – один из двенадцати основных), празднуется 15 августа (28 августа). Посвящен Успению - праведной кончине Божией Матери. По самому древнему и общепринятому преданию церкви, событие это представляется в таком виде: пресвятая Матерь Божия, после Вознесения Иисуса Христа, жила на земле ещё несколько лет. Апостол Иоанн Богослов, по завещанию Иисуса Христа, принял её к себе в дом и заботился о ней как родной сын до самой Её кончины. День кончины был открыт Ей Господом. В этот день Господь чудесным образом собрал всех апостолов к Ней, перенесши их Своей всемогущей силой. Сам Господь с ангелами и святыми явился и принял Её душу. Событием Успения Богоматери церковь учит нас, что смерть не есть уничтожение нашего бытия, а только переход от земли на небо, от тления и разрушения к вечному бессмертию.

За основу названия праздника *Успения* было взято греческое

χοιμῆδια Τῆς Θεοτόκου, основой которого является глагол «спать» (как в русском варианте). Отсюда и толкование *Успения*, отличное от толкования «смерти». Как мы видим, в данном случае речь также идет о калькировании. Латинское слово «*assumere*», к которому восходит английское *Assumption*, имеет значение «to take up (the soul of a believer) into heaven», что обуславливает, во-первых, различия в понимании этого торжества у католиков и у православных, и, во-вторых, наличие частичного синонима, существительного *Dormition*, появившегося под византийским влиянием.

Праздник *Успения Богородицы* одинаково почитаем и в католическом и в православном мире. Но две ветви христианства по-разному интерпретируют это библейское событие. Здесь, мы можем предположить, имеет место не только

различие в лексической форме, но и в сигнификате, то есть мыслительном конструкте, связанном с именем у носителя языка. Это связано с тем, что в православном мире принято отличать понятия «смерть» и «успение». Второе понятие, имеющее в своем составе сему «сон», привлекает наше внимание к тому факту, что Богородица не умерла, но уснула, и ее душа и тело отправились на небо. Во французском языке мы имеем дело с иной трактовкой: Христос берет Богородицу с собой. Появление же слова *Dormition* объясняется византийским влиянием, с одной стороны, и необходимостью описать православное видение, с другой.

Приведём примеры:

(12а) *На Успенье, в одиннадцатом часу вечера, девушки и парни, гулявшие внизу на лугу, вдруг подняли крик и визг и побежали по направлению к деревне; и те, которые сидели наверху, на краю обрыва, в первую минуту никак не могли понять, отчего это.* [Антон Павлович Чехов. Мужики: НКРЯ]

(12б) *On the day of the Feast of the Assumption, between ten and eleven in the evening, the girls and lads who were merrymaking in the meadow suddenly raised a clamour and outcry, and ran in the direction of the village; and those who were above on the edge of the ravine could not for the first moment make out what was the matter.* [Антон Павлович Чехов. Мужики: НКРЯ]

(13а) *На Илью пили, на Успенье пили, на Вознесенье пили.* [Антон Павлович Чехов. Мужики: НКРЯ]

(13б) *On Elijah's Day they drank, at the Assumption they drank, at the Ascension they drank.* [Антон Павлович Чехов. Мужики: НКРЯ]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведём итоги проведенного исследования. Целью настоящей работы был сопоставительный лексико-семантический анализ слов со значением «религиозные праздники» в русском и английском языках. Мы решили ограничить сферу исследования наиболее торжественными праздниками, называемыми в православии «двунадесятыми» и найти сходства и различия в понятиях обозначенных этими словами.

В ходе работы мы провели этимологическое и сопоставительное исследования и составили лингвистические описания, результатом которых стало нахождение изменений, расхождений и совпадений в объемах понятий и применении изучаемых слов.

Полученные результаты открывают перспективу для дальнейших исследований. Принимая во внимание объем явлений, связанных с Церковью и религией, мы отметим лишь несколько возможных направлений будущих исследований. Сравнивая крупнейшие праздники христианства, мы намеренно не изучали менее значимые торжества этой мировой религии, хотя можно предположить, что именно в них можно найти неисчерпаемый источник важнейшей лингвистической информации. Как показало данное исследование, объем различий, связанных с основными событиями жизни Христа и Богородицы невелик. Тем вероятнее большие расхождения в менее важных догматических вопросах.

Вторым важным направлением, на наш взгляд, является исследование по семантическому принципу. Сопоставительный анализ в данном контексте даст, по нашим расчетам, огромное поле для дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1) Сравнительные исследования русской и английской лексики

1. Беляева Т. В. Опыт создания англо-русского глоссария религиозной лексики // Актуальные проблемы лингвистического образования. Москва, Фаир, 2003. Вып. 1. С. 75-78
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянских культур, 2001. 272 с.
3. Петрова Н. Д. Национально-культурные семы в структуре значения английских фразеологических единиц // Вопросы филологии. 1999. № 2. С. 37-53.
4. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы: На материале английского языка. М.: Фаир, 2010. 201 с.

2) Исследования по религиозной лексике

5. Caird G. B. The Language and Imagery of the Bible. London: Westminster Press, 1980. P. 201-217
6. 2. Будагов Р. А. История слов в истории общества. М.: «Просвещение», 1971. 270 с.
7. Верещагин Е. М. Об относительности мирской нормы // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 184-188
8. Гак В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопр. языкознания. 1997. № 5. С. 55–65.
9. Горшкова Т. М.; Ручина, Л. И. Опыт лексикографического описания лексики православия // Ученые западного Волго-Вятского отделения Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Н. Новгород, Феникс, 2003. - Вып. 12. С. 161-164

10. Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград: Просвещение, 1999. С. 5-19
11. Куссе Хольгер. Парадоксы оправдания в религиозном дискурсе // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 271–280.
12. Лейчик В. М. Обновление религиозного стиля: взгляд лексиколога // К культуре мира - через диалог религий, диалог цивилизаций: Материалы международной научной конференции., 3-5 окт. 2000 г. Омск, 2000. Т. 1. С. 165-171
13. Леонтьев А. А. Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. 254 с.
14. Лихачев Д. С. Заметки о русском. М.: «Советская Россия», 1981. 70 с.
15. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология/Под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. 117 с.
16. Майданова Л. М. Религиозно-просветительский текст: стилистика и прагматика // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург: Изд-во Уральского университетата, 1999. С. 172–194.
17. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М.: Фаир, 1998. 350 с.
18. Никитина С. Е. Представление об истине в русских конфессиональных культурах // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. - М.: Наука, 1995. С. 85-93
19. Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка). Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2004.
20. Орщолитч М. Язык и религия. Функционирование языков в многонациональном обществе. М.: Наука, 1991. С. 370-380.

21. Постовалова В. И. Бог, ангельский мир, человек в религиозной философии А. Ф. Лосева // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: «Индрик», 1999. С. 407–418.
22. Тимофеев К. А. Религиозная лексика русского языка, как выражение христианского мировоззрения. – Новосибирск: Просвещение, 2001. 121с.
23. Тонков В. А. Концепты христианской культуры и их отражение в фразеологии // Лексика и лексикография. - М.: Языки русской культуры, 2003. Вып. 14. С. 137-146
24. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Гнозис, 1995. Т.1. 878 с.
25. Федоров Н. Ф. Смысл Евангелия от Иоанна и Евангелия вообще // Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Раритет, 1994. 416 с.
26. Яковенко Е. Б. Сердце, душа, дух в английской и немецкой языковых картинах мира (Опыт реконструкции концептов) // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 39–51.

3) Семантика и языковая картина мира

28. Apresjan Ju. Systematic Lexicography. Oxford: Oxford University Press, 2000. 304 p.
29. Bar-Hilel J. Dictionaries and meaning rules // Foundations of language. Oxford: Oxford University Press, 1967. 112 p.
30. Bloomfield E. Language. N.Y.: Gramercy Books, 1933. 201 p.
31. Firth J. R. The technique of semantics. Oxford: Oxford University Press, 1957. 387 p.
32. Firth J. R. Models of meaning. Oxford: Oxford University Press, 1957. 127 p.

33. Goodenough W. Componential analysis and the study of meaning // Language. Oxford: Oxford University Press, 1956. 264 p.
34. Jespersen O. The growth and structure of modern English. Oxford: Oxford University Press, 1921. 299 p.
35. Jones K. Synonymy and semantic classification. Cambridge: Cambridge University Press, 1964. 178 p.
36. Katz J. J. and Postal P. M. An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge: Cambridge University Press, 1964. 354 p.
37. Leech G. N. Towards a semantic description of English. London: Delithium Press, 1969. 325 p.
38. Sapir E. A study in semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1944. 352 p.
39. Stern G. Meaning and change of meaning. Oxford: Oxford University Press, 1931. 269 p.
40. Ulmann S. Descriptive semantics and linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 1953. 345 p.
41. Ulmann S. The principles of semantics. Oxford: Oxford University Press, 1963. 430 p.
42. Ulmann S. Semantics. An introduction in the science of meaning. Oxford: Oxford University Press, 1964. 543 p.
43. Weinreich U. On the semantic structure of language // Universals of language. Cambridge: Cambridge University Press, 1963. 235 p.
44. Weinreich U. Lexicology // Current trends in linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1963. 216 p.
45. Wierzbicka Anna. Semantic primitives. Frankfurt: Inter Varsity Press 1972. 357 p.
46. Wils Yorick. Computable semantic derivations. Cambridge language research unit. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. 233 p.

47. Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. 590 с.
48. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика // Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. 590 с.
49. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 320 с.
50. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Языки русской культуры, 1957 121с.
51. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.
52. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Наука, 1975. 345 с.
53. Бельчиков Ю. А. О культурном коннотативном аспекте лексики // Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. 276 с.
54. Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. – Л.: Наука, 1979. 231 с.
55. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М.: Наука, 1990. 207 с.
56. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Языки славянских культур, 1996. 416 с.
57. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки славянских культур, 1999. 547 с.
58. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов, М.: Языки славянских культур, 2001. 288 с.
59. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: «Индрик», 2002. 336 с.
60. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова.

- Психолингвистические исследования. М.: Языки русской культуры, 1971. 457 с.
61. Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии, М.: Наука, 1962. 274 с.
62. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира.– М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
63. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Наука, 1969. 201 с.
64. Комлев Н. Г. Слово в речи. М.: Наука, 1992. 190 с.
65. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 211 с.
66. Кронгауз М. А. Семантика. М.: Наука, 2001. 330 с.
67. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.
68. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
69. Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике, Наука, 1980. 160с.
70. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1989. 216 с.
71. Леонтьева Н. Н. Семантический анализ и смысловая полнота текста. М.: Языки славянских культур, 1968. 237 с.
72. Лукин В. А. Семантические примитивы русского языка. Основы теории. М.: 1990. 144 с.
73. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». М.: Языки русской культуры, 1974. 268 с.
74. Морковкин В. В. Идеографические словари. М.: Наука, 1970. 401 с.

75. Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики. М.: Изд-во Московского Университета, 1997. 210 с.
76. Никитин М. В. Лексическое значение слова. М.: Наука, 1983. 187 с.
77. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 264 с.
78. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Языки русской культуры, 1964. 211 с.
79. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Языки русской культуры, 1964. 211 с.
80. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. М.: Языки славянских культур, 1965. 325 с.
81. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия. М.: Гнозис, 1994. 344 с.

4) Словари и энциклопедические справочники

82. Alter Robert. The Art of Biblical Narrative. Harvard: Harvard UP, 1981. 195 p.
83. New Dictionary of Theology, edited by S. B. Ferguson. Leicester: Inter Varsity Press, 1988. 680 p.
84. The Literary Guide to the Bible, edited by R. Alter and F. Kermode. Harvard: Harvard UP, 1987. 677 p.
85. The New International Dictionary of the Christian Church., edited by J. D. Douglas. London: The Paternoster Press, 1974. 1088 p.
86. The Oxford Dictionary of the Christian Church, edited by F. L. Cross. Oxford: Oxford University Press, 1977. 1492 p.
87. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. Washington D. C.: Delithium Press, 1994. 1854 p.

88. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь, М., Наука, 1990. 368 с.
89. Архимандрит Рафаил (Карелин). Великие христианские праздники, М., Центрполиграф, 2003. 317 с.
90. Архиепископ Иннокентий. О великих Господских и Богородичных праздниках, М., Издание Московской Патриархии, 1998. с. 78 - 90
91. Библия. Российское библейское общество, Москва, 2008. – 167 с.
92. Булгаков С. Н. Размышления о национальности // Булгаков С. Н. Сочинения в 2-х томах. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 435–457.
93. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, М.: Прогресс, 1994. 2030 с.
94. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь, М.: Издательство отделения Московской Патриархии, 1993. 460 с.
95. Католическая энциклопедия. Издательство Францисканцев, 2002. 1926 с.
96. Колесникова В. С. Путь к храму. Краткая энциклопедия православия. - М.: Центрполиграф, 2004. 589 с.
97. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 540 с.
98. Ожегов С.И., Словарь русского языка, М.: Русский язык, 1986. 840 с.
99. Полный православный богословский энциклопедический словарь. М.: Возрождение, 1992. 560 с.
100. Религии мира, М.: Аванта, 2002. 515 с.
101. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Росс. акад. наук. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т. 1–3.
102. Складарская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб.: Возрождение, 2001. 455 с.

103. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986. 680 с.
104. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Республика, 1993. 497 с.
105. Шмеман А. «Проповеди и беседы», Paris, YMCA-Press, 1986. 256 с.
106. Шмеман А., прот. Введение в богословие: курс лекций по догматическому богословию. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1993. 48 с.
107. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь, М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.